

Алексей Александрович Маслов

Афоризмы и тайные речения Бодхидхармы

Annotation

Могучий бородатый старец с суровым, но мудрым взглядом под нависшими бровями - таким основатель и первый патриарх чань - или дзэн-буддизма Бодхидхарма (VIв.) вошел в историю. Рассказывают, что он провел в медитации в пещере девять лет лицом к стене, подарил монахам Шаолиня особые методы тренировки, принес в этот мир традицию пить чай. Но каким он был на самом деле? В чем заключалась ранняя техника медитации и какими методами обучали ранние наставники Чань? Кому в действительности передал Бодхидхарма патриаршество и в чем заключаются тайные наставления, «никогда не передаваемые вовне»? Книга включает в себя переводы трактатов и афоризмов, приписываемых Бодхидхарме, рассказы о нем из средневековых китайских источников, повествование о ранних методах духовной практики Чань с уникальными примерами обучения в чаньских школах - методах раскрепощения сознания. Книга иллюстрирована чаньскими рисунками.

Алексей Маслов

Афоризмы и тайные речения Бодхидхармы

Эта книга о самом начале Чань, или Дзэн, о его легендарном

основателе
Бодхидхарме.
Сегодня по его пути
идут миллионы
последователей. Но
весь парадокс
заключается в том,
что, может быть, его
не было вовсе. Ну что
ж, это вполне в духе
Чань. А поэтому вот
наши...

1

РАССУЖДЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Странный человек, что пришел с Запада

Торжественное великолепие гор Суншань, что в провинции Хэнань, лучше всего созерцать ранней весной и поздней осенью. Весной все здесь дышит свежестью и ароматами первоцветов, журчание ручьев оживляет молчаливый покой древних гор. Осенью посредине темно-зеленых сосен начинают ярко алеть и золотиться клены – на закате кажется, будто солнце бросает горсть золотого песка на ветви деревьев. Это место уединенных медитаций, место, где черпали вдохновение поэты и художники многих поколений.

Именно сюда, как гласят предания, в VI в. откуда-то «с Запада» явился удивительный человек могучего телосложения, с суровым взглядом, всклокоченной бородой и густыми бровями – именно таким рисуют его канонические изображения. Тогда о нем почти никто не знал, равно как и не знали, что ему суждено стать первым патриархом одной из самых великих духовных традиций в мире, основателем крупнейшей школы буддизма, называемой по-китайски Чань, по-японски – Дзэн. Звали его Бодхидхарма (по-китайски – Дамо, по-японски – Дарума), что означало «Учение о просветлении». Поселился он в пещере неподалеку от знаменитого ныне монастыря Шаолиньсы и начал проповедовать удивительное учение о достижении просветления.

Учение Чань возникает на стыке буддизма Махаяны («Большой колесницы») и китайского даосизма. Буддийские школы созерцания существовали еще в Индии (например, школы, основывавшие свою проповедь на «Ланкватара-сутре»), а многие индийские наставники просветления через созерцание приходили в Китай еще в III–IV вв. Но в истории прославился лишь Бодхидхарма, хотя в момент своего прихода в Китай из Индии он не считался ни патриархом, ни самым выдающимся учителем. Само же учение Чань в Китае начало процветать с эпохи Тан в VI–VII вв. в период расцвета всей китайской культуры, а свой заверченный вид приобретает в X–XI вв. Ранние учителя созерцания, как индийские, так и китайские, именовали свое учение отнюдь не Чань (что в ту пору просто обозначало созерцание как таковое), а «Школа Колесницы Единого» (санск. Экаяна, кит. Ичэн) – это должно было подчеркнуть, что школа сторонится догматических споров и объединяет в себе всю духовную мудрость.

Сегодня в мире – миллионы последователей учения Чань, или Дзэн. Монахов

среди них немного, Чань превратился в самый открытый, «светский» вид буддизма. И хотя лишь немногие из поклонников учения «об очищении сознания через созерцание» действительно посвящены в тайные практики, популярность Чань превзошла, пожалуй, многие другие виды восточных духовных практик. К тому же Чань оказалось самой «практичной» школой буддизма, которая не только не проповедует полный уход от мира, но, наоборот, утверждает, что только через поступки, через практические деяния можно испытать свой духовный опыт.

Китайский практицизм позволил безболезненно связать воедино чань-буддизм с боевыми искусствами ушу, традиционным врачеванием, участием в государственных делах. И даже сегодня нас может поразить то, что чаньские последователи в современном Китае могут находиться на административных постах, например, возглавлять военные училища, лечебницы или заниматься бизнесом. Главное – сохранять свое состояние сознания в чистоте и не быть привязанным к материальным объектам этого мира.

Чань продемонстрировал абсолютную неразрывность практической деятельности и мистической составляющей всей нашей жизни, что и было выражено в знаменитом тезисе, приписываемом Бодхидхарме, «Единство деяний и принципа».

О сути Чань спорят, пишут сотни книг, пытаются самостоятельно дать трактовки изречениям известных мастеров. Уже вне Китая и Японии возникают западные «великие учителя» Чань, которые собирают вокруг себя последователей и оказываются почти несвязанными с китайскими истоками данного учения. Как ни странно, все это не является ни сектантством в негативном смысле этого слова, ни прямым искажением древнего учения: ведь Чань как раз требует «высвободить сознание», и лишь от самого человека зависит, насколько он готов следовать заветам древних учителей или все же поддаться искушению создать какой-нибудь «свой Чань».

Бодхидхарма является ключевой и при этом, пожалуй, самой загадочной фигурой не только школы Чань, но и всей буддийской традиции Китая. Он превратился в символ чань-буддизма, стал фигурой скорее знаковой, нежели воплощением некогда жившей реальной личности. До сих пор практически в каждой монашеской келье можно встретить изображения Первопатриарха, при этом особо предпочитают знаменитую картину, где Бодхидхарма на бамбуковом стебле переправляется через море – символ того, как Наставник преодолел «море незнания» и принес свою мудрость людям.

Статус Бодхидхармы вообще достаточно странен, и формально его место на иерархической лестнице буддизма находится не очень высоко. Обычно высоко ценятся восемнадцать ближайших учеников Будды – архатов (кит. «алохань», или «лохань», досл. «обладающий заслугами»), непосредственно слушавших его наставления и являющихся наиболее почитаемыми в буддизме. Число «восемнадцать» стало сакральным для буддизма (впрочем, это связано и с небуддийской традицией Китая), в частности, на алтаре размещается восемнадцать предметов, в небольших монашеских четках – восемнадцать бусин и т. д. Зал 18 архатов с их скульптурами можно встретить практически в любом буддийском монастыре, однако существуют и другое количество архатов – обычно называют число 125 или 250, Бодхидхарма входит в число 250 архатов, что, по буддийским понятиям, хотя и подчеркивает каноничность его личности, все же не свидетельствует о ее первоочередной важности.

Бодхидхарма переправляется через море на бамбуковом стебле. Стела во дворе монастыря Шаолиньсы, XV–XVI вв.

Но в чаньских общинах происходит как бы «инверсия» святости: Бодхидхарма, не находясь на высших ступенях буддийской святости, становится центральной фигурой поклонения. Во многом это объясняется чисто исторической логикой развития китайского буддизма: Будда представляется существом крайне отдаленным, возвышенным над обычным человеком. Происходит «отрыв» божества, вознесение его в предельно высокие и далекие от человека сферы – этот процесс можно без труда проследить, следуя за всеми изгибами буддийской истории. Более значимыми становятся образы тех, кто осуществляет прямую связь между божественным и профанным – и именно здесь актуализируется образ Бодхидхармы. Бодхидхарма, который не является ни бодисаттвой, ни даже ближайшим из архатов, становится Патриархом крупнейшего мирового буддийского учения – учения Чань, или Дзэн. Роль архатов несколько в другом, это величайшие проповедники, распространяющие и толкующие учение Будды, своеобразные каналы, по которым благодать будд и бодисаттв доходит до человека.

Скульптура Бодхидхармы среди архатов в монастыре Шаолиньсы

Загадка Бодхидхармы остается и по сей день: практически все, что написано и рассказано о нем, может быть подвергнуто сомнению. Действительно ли он просидел девять лет в медитации лицом к стене? Создал ли шаолиньское боевое искусство? Написал ли он несколько «тайных трактатов», что передал ученикам? Кому завещал свое учение? Куда он ушел? Да и существовал ли он вообще?

Конечно, многие последователи Чань не задаются такими вопросами: в конце концов, Бодхидхарма – это символ духовного упорства и чистоты, и все, что рассказывается о нем – скорее предмет веры, чем исторических доказательств. Бодхидхарма – центр всей духовной традиции Чань, воплощение ее необузданной мудрости, тайной духовной практики и непривязанности к этому миру.

Предания о великом Учителе

Итак, сначала посмотрим, что нам рассказывают легенды. Попутно напомним, что для того состояния сознания, в котором живет Китай на протяжении многих веков, для той буддийской традиции, которая здесь возникла, историческая реальность значительно менее важна, чем предания о ней. Ведь именно предания передают само ощущение сакрального, само отношение людей к произошедшему. А произошло ли это на самом деле – уже не важно, ведь предания просто «вещественным» образом оформляют психический настрой людей, их отношение к действительности.

Итак, для последователей Чань предание о Бодхидхарме – не историческое повествование, а особый тип отношения к действительности как к пространству, где живут великие мудрецы. Легенда гласит, что этот индийский миссионер прибыл из Индии в Китай, около 520 г. или 527 г., и после долгих странствий пришел в провинцию Хэнань, где и поселился в районе гор Суншань. Это была пора расцвета буддизма, время прихода в Китай десятков паломников и миссионеров из Индии, которые могли по разному трактовать основные постулаты, пользовались разными

текстами, да к тому же и говорили на языке, абсолютно отличном от китайского. Полного перевода буддийского канона «Трипитаки» с санскрита и пали на китайский язык в ту пору еще не существовало, а то, что было переведено, оказывалось не очень точным переложением, а порою и вовсе искажало первоначальный смысл. Особую трудность представлял перевод ключевых буддийских терминов на китайский язык, таких как, «дхарма», «нирвана», «сатори», «карма» и многие другие. Все это, естественно, создавало немалый сумбур в головах у китайских последователей буддизма. Китайские школы в ту пору были невелики, их последователи жили в невысоких горах небольшими общинами, чаще всего даже не в монастырях, а просто в поселениях. Именно такой буддийский Китай и застал Бодхидхарма – Китай, обладающий самыми разнородными сведениями о буддизме, занимающийся самыми разными, порою абсолютно неупорядоченными практиками созерцания, очень верящий различным переводам индийских буддийских сутр, даже не задумываясь над тем, сколь ошибочен может быть такой перевод.

Бодхидхарма посещает город Лоян, беседует с правителем царства Лян У-ди и, наконец, пораженный абсолютным непониманием пути достижения буддийской благодати, поселяется в священных горах Суншань, неподалеку от монастыря Шаолиньсы (Молодого леса). Проповедовал он передачу знания вне слов, исключительно «от сердца к сердцу».

Как гласит предание, Бодхидхарма был поражен тем, что китайские монахи столь трепетно верят сутрам, не понимая даже их смысла и, самое главное, не занимаясь истинной медитацией – а ведь только она может очистить сердце и пробудить состояние Будды внутри человека. Он попытался объяснить монахам глубинную суть буддизма, «открыть им взор Дхармы», но то ли это показалось монахам слишком сложным, то ли из-за того, что Бодхидхарма не мог свободно говорить по-китайски, он оказался не понятым. И тогда этот буддийский патриарх удаляется на вершину одной из гор гряды Суншань – Ужу (Гора пяти пиков).

Заснеженный Шаолиньсы. По преданиям, именно таким увидел его Бодхидхарма (худ. Ань Гоянь)

В высокогорной пещере он просидел в медитации лицом к стене девять лет, доказывая, что для просветления нет необходимости читать сутры или размышлять над речениями Будды, но следует лишь «вглядываться внутрь себя». Так он положил начало традиции сидячего созерцания как основного способа очищения собственного сердца. И хотя традиция медитации (дхианы) и раньше была широко распространена в буддизме, ни в одной школе она не рассматривалась в качестве ключевого метода. Бодхидхарма, таким образом, становится первым патриархом Чань и вводит в монашеский обиход несколько важнейших постулатов. Прежде всего, в качестве основного вида практики он рассматривает медитацию лицом к стене (би гуань – «взирание на стену»), а в качестве базовой концепции просветления – концепцию «Сидя здесь, непосредственно стать Буддой», то есть непосредственное, безусловное никакими вспомогательными методами или молитвами воплощение себя как Будды.

Вход в пещеру, где по преданию Бодхидхарма провел девятилетнюю медитацию лицом к стене. Внутри пещера высотой 7 метров и глубиной 3 метра. Вполне возможно, что именно она и служила прибежищем наставника в течение многих лет

Бодхидхарма медитирует лицом к стене в пещере (худ. Хоу Си)

Сам же Бодхидхарма удалился куда-то на запад, и следы его затерялись. Оставил он после себя действительно богатое духовное наследие и прежде всего учение Чань – учение о достижении просветления и очищения сознания через сидячую медитацию. Перед уходом он оставил несколько трактатов, где объяснял суть своего учения, а также экземпляр «Ланкаватара-сутры». Монахам монастыря Шаолинь, рядом с которым он провел последние годы в Китае, он оставил два трактата: «Ицзиньцзин» («Канон изменения в мышцах») и «Сисуйцзин» («Канон об омовении спинного мозга», или «Канон об очищении самого сущностного»). Списки этих трактатов (на самом деле значительно более позднего происхождения) разнятся от школы к школе. Ему же приписывается и основание целого направления шаолиньского ушу, в частности, комплекса «18 приемов архатов» (то есть прямых учеников Будды), который включает восемнадцать классических приемов боя. Этот комплекс вместе с системой его боевого применения до сих пор входит в практику шаолиньских монахов и последователей этой традиции.

Эти предания вошли во все буддийские каноны, стали классической версией рассказа о Бодхидхарме. Мифологическое сознание сделало из одного, причем полуполюгендарного человека, центр сразу нескольких традиций. Обратим внимание: Бодхидхарме приписывается создание всей традиции Чань («Первопатриарх чань-буддизма»), создание шаолиньских боевых искусств, создание новых методов укрепления здоровья и развития внутренней энергетики и многое другое. Он оказывается ключевым звеном в развитии целого ряда традиций и причудливым образом замыкает на себе как индийскую, так и китайскую линии «передачи истины».

Так кто же «пришел с Запада»?

Итак, что же мы действительно знаем об историческом Бодхидхарме, о человеке, но не о мифе? Прежде всего, попытаемся посмотреть, когда же впервые появляется он в исторических хрониках.

Разобраться в этом весьма нелегко. Ведь описание священножительства Бодхидхармы, его агиография – одни из самых богатых в буддийской литературе. Правда, при внимательном рассмотрении большинство источников практически в точности повторяют друг друга, и реальное разнообразие легенд и преданий в данном случае крайне невелико.

Самые ранние источники сразу же показывают, что Бодхидхарма не имел прямого отношения ни к Шаолиньскому монастырю, ни к становлению традиции Чань – и то, и другое существовало еще до него, а сам Бодхидхарма, возможно, никогда и не появлялся в районе гор Суншань.

Горы Суншань удивительно красивы и издревле считались местом паломников и отшельников

Большинство хроник сходятся на том, что Бодхидхарма действительно был третьим сыном одного из правителей южных царств Индии. Скорее всего, Бодхидхарма происходил из благородной касты воинов-кшатриев; по другим предположениям, он принадлежал к священнической касте брахманов, по третьему – он все же принадлежал к воинам-кшатриям, но выполнял священнические обязанности. В любом случае, все хроники сходятся на том, что он был человеком благородного происхождения. Есть также уже современные предположения, что он принадлежал к роду правящей династии Палава и жил в столице – г. Канчипураме.

Самым ранним из дошедших до нас источников, который упоминает некоего миссионера Бодхидхарму, являются «Хроники монашеских общин-сангхар Лояна» («Лоян цюэлань цзи»), составленных в 547 г. Ян Сюаньчжи, известным переводчиком санскритских текстов на китайский язык [10, 1000в]. С момента прихода Бодхидхармы прошла лишь пара десятков лет, а поэтому именно этот текст должен передавать историю Бодхидхармы ближе всего к реальности. Весь отрывок, связанный с Бодхидхармой, лапидарен и удивителен, поэтому имеет смысл привести его полностью:

«В ту пору пришел сюда некий монах из западных районов по имени Бодхидхарма, персидского происхождения из Центральной Азии. Совершил он путешествие по диким окраинам Китая. Видел он золотой диск, что был помещен на самой вершине пагоды монастыря Юннинсы, в котором отражалось солнце, а лучи озаряли облака на небе, колокола на колокольной башне раскачивались под порывами ветра, отражаясь эхом от небес. Он совершил молитву перед храмом и воскликнул: “Прожил я на этой земле уже 150 лет, прошел через многие страны. Наверное, не найдется такой земли, где бы я не побывал. Но даже в Индии не найдется ничего подобного этому храму. И даже в отдаленных чертогах Будды нет такого”. Он вознес молитву и молитвенно сложил руки».

И вот первая неожиданность: практически никаких подробностей мы здесь не встречаем, Бодхидхарма перечисляется лишь как один из многочисленных проповедников, приходящих в ту пору из Индии в Китай. Он не именуется ни «патриархом», «ни основателем Чань», ему не приписывается никаких подвигов, например девятилетнего сидения в пещере. Судя по крайне поверхностному характеру упоминания Бодхидхармы в тексте «Хроник», в ту пору этот миссионер ничем не запомнился составителю трактата. Ни о какой его проповеднической деятельности здесь речи не идет, и даже не упоминается само учение Чань. По сути, рассказ о Бодхидхарме является лишь «фоном» для описания одной из самых красивых пагод храма в городе – Лояне – Юннинсы (Вечного покоя). «Хроники» гласят, что Бодхидхарма был поистине восхищен видом этой пагоды и провел несколько дней перед ней, молитвенно сложив руки. Поскольку Лоян находится в нескольких десятках километров от Шаолиньсы, то это в какой-то мере подтверждает пребывание Бодхидхармы в этом районе, точнее – в районе священных гор Суншань. Не сложно заметить, что хроники на удивление спокойно, если не сказать равнодушно, отнеслись к приходу человека, которому, следуя легендам, суждено было стать патриархом крупнейшего учения китайского буддизма.

За стенами монастыря Шаолиньсы монахи впервые стали практиковать учение Бодхидхармы

Столь малое говорит о многом. Прежде всего о том, что некий монах Бодхидхарма действительно приходил в Китай, причем в район гор Суншань. Итак, приход Бодхидхармы – это не легенда, хотя никаких других подробностей мы не встречаем. Во-вторых, судя по самому отношению «Хроник» к этому проповеднику, он не имел никакого отношения ни к созданию новой школы Чань, ни к Шаолиньсы. Обратим внимание, что сам текст представляет собой подробное описание тех монашеских школ, которые существовали вокруг Лояна, и их учителей. Но Бодхидхарма именно как лидер школы даже не упоминается!

Тем не менее, несмотря на все неясности этого пассажа из «Хроник монашеских общин-сангхар Лояна», они позволяют установить сравнительно точную дату прихода Бодхидхармы в Лоян. Никакого точного упоминания даты пребывания Бодхидхармы в Лояне в «Хрониках монашеских общин-сангхар Лояна» нет. Однако ее можно вычислить из упоминания о том, что Бодхидхарма молился перед пагодой Баота (Драгоценная пагода) монастыря Юннинсы. Известно, что эта пагода была построена в 516 г., а в 528 г. там разбили военный лагерь. По ряду сведений, пагода позже была разрушена сильным ураганом в 534 г. [64, 171–172]. Таким образом, можно считать, что Бодхидхарма побывал в Лояне между 516 и 528 гг., что, в общем, соответствует канонической дате прихода Бодхидхармы в Шаолиньский монастырь (520–527).

И все же, несмотря на лапидарность этого пассажа в «Хрониках», здесь мы встречаем несколько весьма интересных подробностей о Бодхидхарме. Прежде всего, в них говорится, что Бодхидхарма был монахом из Центральной Азии (!) и что ему было пятьдесят пять лет.

Столь точное указание на возраст не удивительно – это придает особый историзм

фигуре буддийского проповедника. Значительно большую загадку представляет странное упоминание в «Хрониках» того факта, что Бодхидхарма был миссионером из Центральной Азии. Причем здесь Центральная Азия, ведь традиция гласит, что он пришел из Индии? Обычно под Центральной Азией подразумевались Персия, ряд царств вдоль Шелкового пути, однако не ясно, то ли Бодхидхарма происходил из Персии, то ли просто его путь пролегал через Персию – китайский текст допускает оба этих толкования. Поразительно и то, что здесь ни слова не говорится об Индии, точнее о Южной Индии, поскольку во всех более поздних источниках упоминается, что Бодхидхарма был выходцем именно из этого региона, нередко даже указывается родной город патриарха – Мадрас.

На всех традиционных изображениях Бодхидхарма выглядит совсем не похожим ни на китайца, ни на жителя Индии. Может быть поэтому появились предположения, что он был выходцем из Центральной Азии? (Скульптура Бодхидхармы в пещере, где он провел девятилетнюю медитацию)

Однако в тексте Ян Сюаньчжи дословно говорится о Бодхидхарме как о «Босы го ху-жэнь» – «Варваре, из страны Персов». Неужели Бодхидхарма действительно был персом? По-другому текст трактовать просто невозможно. Есть предположение, что

Бодхидхарма происходил из рода династии Палава (III–IX вв.), которая, возможно, была индо-иранского происхождения.

А может быть, это вообще путаница – Ян Сюаньчжи пишет вообще совсем о другом Бодхидхарме, отсюда и такие противоречия в его описаниях?

Здесь можно высказать несколько предположений. Возможно, Бодхидхарма, стремясь обойти горную гряду Гималаев и неприветливое Тибетское плато, что лежит сразу же за грядой, намеренно отправился из Южной Индии через всю страну на северо-запад, где, в конечном счете, и вступил на территорию Персии и современных Пакистана и Афганистана. Именно оттуда он, повернув на восток, вошел на территорию Китая, прошел ее практически насквозь, пока не добрался до современного Лояна. Но в этом случае проповедник должен был пройти 6–8 тысяч километров, что, учитывая немалую опасность путешествий в ту эпоху и колоссальное расстояние, кажется маловероятным. К тому же такой маршрут представляется крайне неразумным, если вообще позволительно говорить о «разумности» полумифологической личности.

Вообще маршрут Бодхидхармы через Центральную Азию представляется вполне логичным: он шел точно вдоль Шелкового пути, скорее всего мог передвигаться вместе с караванами, это было намного безопаснее, чем странствовать в одиночку.

Может быть, Центрально-Азиатское происхождение Бодхидхармы объяснимо ошибкой древнего переписчика, связанной с тем, что проповедник пришел откуда-то с Запада? Не случайно Бодхидхарму называли «пришедшим с Запада» (си лай). И хотя под «Западом» Китай традиционно подразумевал именно Индию, здесь требуется сделать несколько уточнений.

С эпохи Хань в лексикон китайских правителей приходит выражение «Си юй» – «Западные края», или «Западные земли». Под этим выражением подразумевались обширные территории, лежащие к западу (а не к юго-западу, как Индия) от империй Цинь и Хань. В I–V вв. здесь существовало несколько десятков городов-государств, среди них Хотан, Яркенд, Лоулань и другие. Города-государства, располагаясь в оазисах, жили в основном за счет обслуживания пролежавшего здесь Великого шелкового пути, по которому везли не только шелка, но и железо, одежды, пряности, лаковые украшения, имбирь и многое другое. Эта одна из основных торговых и культурных трасс Древнего мира начиналась от столицы Китайской империи города Чанъань и заканчивалась на территории Римской империи.

Сам облик Бодхидхармы, происходившего по легенде из юга Индии, мало чем отличался от тогдашних жителей Туркестана, не случайно и у индийских шраманов и у обитателей бассейна реки Тарим китайцы отмечали окладистые курчавые бороды, большие носы и т. д. Отсюда характеристика Бодхидхармы как «бородатого чужестранца» явно указывает на его некитайское происхождение, на его явную непохожесть на тогдашних жителей района гор Суншань.

Ряд городов-государств в бассейне реки Тарим и в Туркестане, через которые, возможно, проходил Бодхидхарма, равно как и десятки других индийских паломников, испытали буддийское влияние еще в I–III вв. Здесь особую популярность приобрела одна из школ Хинаяны – Дхармагуптака (досл. «те, которые защищают Дхарму», то есть буддийское учение). Эта школа была основана в 210 г. до н. э. монахом Дхармагуптой, а ее расцвет приходится на I–III вв. Школа возникла в результате раскола по поводу характера даров более раннего направления Махишасаки: часть отколовшихся монахов считали, что дары следует приносить исключительно Будде,

но не монашеской общине (сангхе), в результате чего заслуги монаха (пунья), совокупность которых в конце концов и приводит к просветлению, возрастают в сотни раз. Они делали основной упор на медитативную практику как основу достижения просветления и носили темно-красные одежды.

Бодхидхарма пересекает море на стебле с монашеским посохом в руке. Стела

XVII в. из коридора стел монастыря Шаолиньсы

Соприкосновение Бодхидхармы со школой Дхармагуптаки представляется вполне вероятным. Возможно, именно этим и объясняется «странный» характер диалога между индийским паломником и правителем царства Лян У-ди, куда явился Бодхидхарма. Бодхидхарма отказался признавать заслуги У-ди на ниве поддержки буддизма («нет здесь ни заслуг, ни добродетелей» – «у гун у дэ»), поскольку дары приносились монашеским общинам, но не самому Будде. Обратим также внимание на то, что Дхармагуптака, равно как и учение Чань, делало основной упор именно на медитативную практику (дхиану) в качестве единственно реального пути достижения освобождения.

Итак, вполне возможно, китайские источники, говоря о приходе Бодхидхармы из Центральной Азии, а затем «с Запада» имели в виду первоначально одно и то же – район Восточного Туркестана и бассейна реки Тарим. Позже постепенно понятие «Запада» и «Западного рая» стали соотносить с Индией. Например, Сюаньцзан в своих «Записях о путешествии в западные страны в период Великая Тан» («Датан сию цзи», 646 г.) описывает более сотни различных царств и местностей. Здесь под названием «Си ю» – «Западные районы» подразумевается как Индия, так и многочисленные царства вдоль Шелкового пути в Синьцзяне и Центральной Азии.

Как можно заключить из этого самого раннего источника, где упоминается Бодхидхарма, в VI в. этот проповедник отнюдь не рассматривался как основатель нового направления буддизма. Более того, здесь ни слова не говорится о сути его буддийской проповеди, что косвенно свидетельствует о том, что именно как проповедник он не оставил в ту пору заметного следа.

Другое упоминание о Бодхидхарме того же времени встречается в коротком предисловии, написанном монахом Таньлинем (506–574) к трактату «О двух проникновениях и четырех действиях», в которых и излагается практика раннего учения Чань. Ничего не указывает нам на то, что трактат составлен Бодхидхармой или написан на основе его наставлений. Но Таньлинь ясно приписывает его составление Бодхидхарме – отсюда мы и узнаем о том, что проповедовал и кем был Бодхидхарма. Отсюда уже начинается классическая версия его жизни: Таньлинь пишет о Бодхидхарме как о монахе с «юга Индии» (здесь уже – никакого иранского происхождения!).

Позже малозначимый факт присутствия Бодхидхармы в Китае начинает век от века обрастать подробностями, которые должны были очеловечить фигуру некоего буддиста, который в сущности не оставил о себе практически никаких воспоминаний.

Следующий по времени трактат относится к 645 г. (вторая редакция – 667 г.), то есть был написан через столетие после «Хроник монашеских общин-сангхар Лояна». Речь идет об одном из самых известных трактатов по истории китайского буддизма «Продолжение жизнеописаний достойных монахов» («Сюй гаосэн чжуань», 645 г.), чье авторство приписывается монаху Даосюаню [18, с. 551в]. В них впервые упоминается о ряде ключевых моментов в вероучении, что принес Бодхидхарма, нигде не встречавшихся ранее и ставших позже классикой чань-буддизма. Там указывается, что Бодхидхарма приносит в Китай учение о «четырех деяниях», осуществление которых позволяет постичь истинную суть дхианы. Указал он и путь к этому – медитация, заключающаяся в молчаливом «созерцании стены» (бигуань).

Здесь без труда можно заметить некоторую трансформацию образа Бодхидхармы. Так, в «Продолжении жизнеописаний достойных монахов» также упоминается о том,

что Бодхидхарма восхищался пагодой монастыря Юннинсы, однако именно здесь мы впервые встречаем «индийскую версию» происхождения патриарха, ставшую позже канонической. Его путешествие через Центральную Азию перестает упоминаться, а сам образ Бодхидхармы обрастает биографией, весьма характерной для индийских миссионеров того времени.

Именно отсюда мы впервые узнаем, что Бодхидхарма был сыном одного из индийских правителей. Постигнув глубины учения «Большой колесницы», то есть Махаяны, он отправился с проповедью в Китай. По морю он прибыл в Южный Китай (Наньюэ – земли Южных Юэ), который тогда управлялся династией Сун (420–479), во главе которой стоял в ту пору правитель Лю. Затем он направился в Лоян – столицу династии Северная Вэй (386–534). Исходя из этих дат, становится вполне возможным предположить, что ко времени канонической даты прихода патриарха в Шаолиньсы, то есть к 520 г., Бодхидхарма действительно перебрался на Север Китая.

Первый ученик Бодхидхармы – Хуэйкэ, ставший вторым патриархом Чань. Здесь он изображен в буддийских одеждах старшего монаха. Но до сих пор идут споры: ему ли Патриарх передал свое учение? Стела из монастыря Шаолиньсы, XII в.

Здесь же упоминается и его первый ученик – Хуэйкэ, о других же последователях Бодхидхармы хроники молчат.

После этих «Хроник монашеских общин-сангхар Лояна» упоминания о Бодхидхарме надолго пропадают из китайских источников. Появляются они уже значительно позже, почти через два столетия. Но в любом случае во всех этих трактатах Бодхидхарма выступает как один из многочисленных учителей медитации – выдающийся, яркий, но отнюдь не первый и тем более не единственный. Его именуют здесь «наставником дхармы» (фа ши) – как и большинство индийских, а затем и буддийских наставников того времени, и никто не говорит о нем как о Патриархе, или Первопатриархе чань-буддизма. Впервые Первопатриархом его начинают именовать в середине VII в., то есть больше, чем через сто лет после его прихода в Китай. Первым это, вероятно, делает монах Фажу (638–689), который был прямым учеником пятого патриарха Чань – мастера Хунжэня (601–674).

Куда он ушел?

В увлекательном сборнике биографий «Продолжение жизнеописаний достойных монахов» («Сюй гаосэн чжуан», 645 г.), составленном монахом Даосюанем, мы впервые встречаем то, что можно считать началом новой традиции духовной практики, которая и привела, в конечном счете, к уникальным чаньским методикам. Даосюань проводит четкое различие между классическими методами созерцания-дхианы, которые в ту эпоху были представлены мастером Сэнчоу (480–560), и чаньской практикой «созерцания стены» (бигуань), начало которой было положено Бодхидхармой.

Даосюань не отдавал предпочтение ни одной из этих систем. Он лишь заметил, что они соотносятся между собой как два типа истины (эр ди) – абсолютная и относительная, и сравнил эти два типа медитации с двумя крыльями одной птицы и двумя колесами повозки. Но даже такого тонкого знатока буддийской мудрости, как Даосюаня, поразила сложность той традиции, которая была представлена Бодхидхармой. И он прямо признался, что его учение «труднопонимаемо».

В своем законченном виде жизнеописание Бодхидхармы появляется в известном буддийском сочинении «Хроники из Зала патриархов» («Цзу тан цзи», 952 г.). Таким образом, понадобилось почти 400 лет, чтобы образ малоизвестного монаха Бодхидхармы не только оброс мифологическими подробностями, но и приобрел вполне человеческие живые черты. Появляются диалоги Бодхидхармы, записи его бесед с учениками, описание его походов – в общем, все то, что должен иметь реальный патриарх. У него появляется и учитель – в его качестве выступает известный индийский монах Праджнятара, который считался 27-м патриархом индийского буддизма. Как следствие, сам Бодхидхарма может уже в полной мере претендовать на роль 28-го буддийского патриарха. Здесь же повествуется, что Бодхидхарма проделал долгий путь из Индии в Китай, путешествовал три года, пока не достиг Китая в 527 г. во время правления императора династии Лян У-ди. Здесь же излагаются и две параллельные версии ухода Бодхидхармы: по одной он был отравлен и погребен на горе Сюэншань, что к западу от Лояна, а по другой – на самом деле отправился на запад, к себе домой, где его и встретил один из официальных посланников правителя, монах Сунъюнь. После вскрытия могилы действительно оказалось, что она пуста.

Вообще, вокруг смерти Бодхидхармы – множество загадок. Прежде всего, когда это могло случиться? «Хроники из Зала патриархов» (952) утверждают, что Бодхидхарма умер, когда ему исполнилось 150 лет. Как гласит упомянутый трактат, Бодхидхарма покинул двор правителя Лян в 527 г., поселился в горах Суншань, неподалеку от Лояна, там же, где располагается и Шаолиньсы. После этого он «просидел в медитации лицом к стене в течение девяти лет, не говоря ни слова». Таким образом

он мог умереть никак не раньше 536 г. Можно приблизительно установить и верхнюю границу: скорее всего он умер не позже 554 г., если исходить из его встречи с монахом-чиновником Сунъюнем, за три года до падения династии Вэй. Но все это действительно может иметь смысл только в том случае, если принять подобные рассказы за исторические свидетельства.

Существует множество версий и вокруг того, умер ли Бодхидхарма или «ушел на Запад», то есть вернулся в Индию. Самая правдоподобная утверждает, что он был отравлен недругами. С первых месяцев своего пребывания в Китае Бодхидхарма встретил сильное неприятие своей проповеди. Речь шла не столько о гонениях на буддизм – как раз само буддийское учение в ту пору получило поддержку и в северных, и в южных областях Китая, через которые проезжал Бодхидхарма, – а о серьезных противниках, которые выступили против самого патриарха как сильного конкурента. Его несколько раз пытались отравить, об этом неоднократно упоминают «Записи о передаче светильника». В разговорах с чиновниками и своими последователями Бодхидхарма говорит, что его «пытались отравить уже пять раз», и это становится одной из причин его отъезда из Северного Китая.

Стела в монастыре Шаолиньсы с медитирующим Бодхидхармой. На ней – стихотворение известного ученого и поэта Хуан Тинцзяня, основателя

крупнейшей поэтической школы Китая

Противостояние буддийских школ между собой в ту пору не было редкостью, многие наставники спорили за право быть принятыми при дворе, получать знаки императорской милости, принимать пожертвования, строить монастыри. Бодхидхарма, безусловно, представлял собой серьезного соперника. Он не стяжал, не стремился к власти. Не отрицая милостей правителя, он не стремился к накоплению, к тому же его статус заслонял собой многих других буддийских учителей. На него, как утверждают «Записи о передаче светильника», было совершено пять покушений, и, наконец, шестая попытка отравления оказалась удачной. Хотя Бодхидхарма знал об отравлении, он ничего не сделал, чтобы предотвратить его, поскольку «понимал, что миссия его уже выполнена, а Дхарма передана последователю».

Вот как рассказывают о его последних днях «Хроники из Зала патриархов» (952):

«В те времена двор правителя разрастался с каждым днем, и даже достойные монахи испытывали немалую ревность друг к другу, и уже не будучи способными обуздать свои амбиции, подсыпали яд в пищу своим соперникам. Великий наставник, зная об этом, принял отравленную пищу, но яд не нанес ему вреда. Однако Бодхидхарма, понимая, что недруги не оставят попыток его отравить, обратился к Хуэйкэ со следующими словами:

“Я пришел сюда, чтобы проповедовать Дхарму. И мне удалось передать ее вам, а поэтому мне не имеет больше смысла оставаться здесь – я должен покинуть вас”. Сказав это, он собрал своих учеников и еще раз изложил им основы своего учения. Затем он принял отравленную пищу и вскоре умер...”»

Известны и имена предполагаемых убийц: это китайский наставник дисциплинарных правил винаи Гуантун и известный индийский проповедник и переводчик Бодручи, который прибыл в Китай раньше Бодхидхармы и, естественно, видел в нем соперника. Якобы однажды их догматический спор оказался столь яростным, что эти двое бросились с кулаками на Бодхидхарму, а потом и замыслили убить его.

Патриарх Бодхидхарма в одиночестве возвращается в Индию. Изображение в коридоре стел монастыря Шаолиньсы, XII в.

По сути, перед нами несколько версий смерти Бодхидхармы, сведенных внутри одного трактата, – и отравление и мистический уход. Но есть и другие. Например, еще одно описание смерти наставника встречается в «Продолжении жизнеописания достойных монахов» (645), причем не в биографии Бодхидхармы, а в разделе, посвященном его ученику Хуэйкэ. Здесь говорится, что Бодхидхарма умер на берегу реки Ло (Лобиньхэ?). Эта местность была известна как место казней, что, в частности, позволило предположить, что Бодхидхарма мог быть казнен во время одного из многочисленных восстаний, которыми был отмечен конец правления династии Вэй [100, 117–121]. Этой же версии о том, что Бодхидхарма умер в 536 г. на берегу Лобиньхэ, придерживается и нынешний настоятель Шаолиньсы Ши Юнсинь [112, 1–2].

После смерти патриарха в монастыре Динлинсы (сегодня Кунсянсы) в его честь была возведена памятная пагода. Примечательно, что в ту пору она была поставлена не в Шаолиньсы, и это говорит о том, что предания о прямой связи наставника с этим монастырем появились уже значительно позже.

Традиционно считается, что тело патриарха было сожжено на горе Сюнэршань (Медвежьего уха), что неподалеку от Шаолиньсы. Но предания утверждают, что существовал и некий гроб, куда должны были положить тело Бодхидхармы, – именно его открыли после того, как один из монахов сообщил, что через три года после смерти Бодхидхармы он встретил патриарха в предгорьях Гималаев. Гроб оказался пустым, и там лежала лишь одна кожаная сандалия. С другой сандалией в руке Бодхидхарма разгуливал по горам, когда его встретил монах.

Эта история распространилась на уровне народных преданий, которые нашли свое отражение в «Хрониках уезда Дэнфэн» – того уезда, где располагается Шаолиньсы. Составление хроник было завершено в 1530 г., хотя большинство записей относятся к более раннему периоду. «Чаньский учитель Бодхидхарма во времена правителя царства Лян У-ди из Западных земель (то есть из Индии. – А. М.) переправился на лодке через море и достиг города Цзилиня (то есть Нанкина. – А. М.). В беседе с У-ди он не нашел согласия и поселился под пиками Укунфэн (Укуншань), что в горах Суншань. Просидел лицом к стене девять лет и передал Дхарму Хуэйкэ, после чего скончался. На рубеже правления Вэй и Сун (то есть VI–X вв.) посланник, направленный в Западные земли, по возвращении повстречал Бодхидхарму на Памире и увидел, что тот нес в руке лишь одну сандалию, а затем стремительно удалился. Вернувшись, чиновник доложил об этом случае, могилу вскрыли и обнаружили там лишь одну сандалию!» [8, 32].

Бодхидхарма с полулунной алебардой и соломенной сандалией в руках – один из

символов учения Чань. Скульптура из «Зала шести патриархов» монастыря Шаолиньсы

Вообще, эта сандалия – в одних версиях соломенная, в других кожаная – стала одним из символов Бодхидхармы. На классических портретах он обычно изображается с одной сандалией в руке. Народные версии гласят, что именно на сандалиии он переправился через моря из Индии. Догматическая трактовка говорит о другом: сандалия – символ того челна, который перевозит людей через океан грехов и страданий. И именно этот челн, это учение о спасении, и принес Бодхидхарма людям. Уйдя из жизни, он оставил учение своим последователям. Но учение является тайным, сокрытым от глаз любопытных – в этом символ сандалиии, найденной в гробу Бодхидхармы.

Но в мистическом мире Бодхидхарма продолжает свой путь, он несет свет учения дальше. Поэтому тот, кто встретит его в своих медитациях или видениях, увидит сандалию в его руке.

Пещера в горах

Знаменитая пещера, где Бодхидхарма провел девять лет, до сих пор сохранилась недалеко от вершины горы Укунфэн (Пяти пиков) в той части гор Суншань, которые называются Шаошишань – Горы малого убежища. Пещера представляет собой грот глубиной семь и шириной три метра. Местом поклонения пещера стала достаточно поздно, не раньше XI в., что косвенно свидетельствует и о позднем характере легенды о «созерцании стены». В 1104 г. по приказу императора перед пещерой были сооружены небольшая арка и мощеная площадка, в 1604 г. арка была перестроена (она сохранилась и до наших дней), на ней начертаны три иероглифа «Убежище сокровенного молчания» (Мо сюань чу).

В частности, по одному из преданий, перед тем, как поселиться в пещере, индийский миссионер остановился в небольшой кумирне чуть выше монастыря Шаолиньсы, приблизительно в 1,3 км от него. Там, на стене храма он начертал надпись, которая сохранилась до сих пор. Сегодня это место названо «Обитель первого патриарха» (Чуцзуань) и на его территории, ныне огороженной стеной, располагается женский монастырь. По преданию, именно здесь останавливался Бодхидхарма, когда часто совершал переходы с гор Суншань в город Лоян и обратно. Все эти надписи относятся к периоду Северная Сун, к тому же сама постройка была сооружена в 1125 г. Точно также большинство надписей на стелах на территории Шаолиньсы относятся к Северной Сун, либо к эпохе Мин (1368–1644). Среди них – знаменитая надпись, сделанная известным каллиграфом Цай Цзиншу «Пагода сидящего лицом к стене».

«Пагода сидящего лицом к стене», надпись, сделанная известным каллиграфом Цай Цзиншу

Вообще, культ Бодхидхармы внутри Шаолиньского монастыря начинается не раньше начала XI в., то есть одновременно с созданием канонической версии «передачи светильника», изложенной в «Записках о передаче светильника, составленных в годы Цзиньдэ», а своего апогея он достигает к XVI в. В 1531 г. на территории Шаолиньсы сооружается ныне одно из самых почитаемых мест монастыря – «Зал стоящего в снегу» (Лисюэ тин), названного так в память о втором Патриархе Чань Хуэйкэ, который, по преданию, простоял несколько дней на коленях в снегу, умоляя Бодхидхарму передать ему суть учения. В зал было помещено знаменитое изображение Бодхидхармы, которое, по легенде, отпечаталось на стене пещеры, перед которой тот сидел в медитации. Камень был бережно вырезан из стены и размещен на подставке у левой стены зала. Если лучи света падают на него сбоку, то на камне действительно можно разглядеть изображение сидящего монаха с сурово насупленными бровями и курчавой бородой.

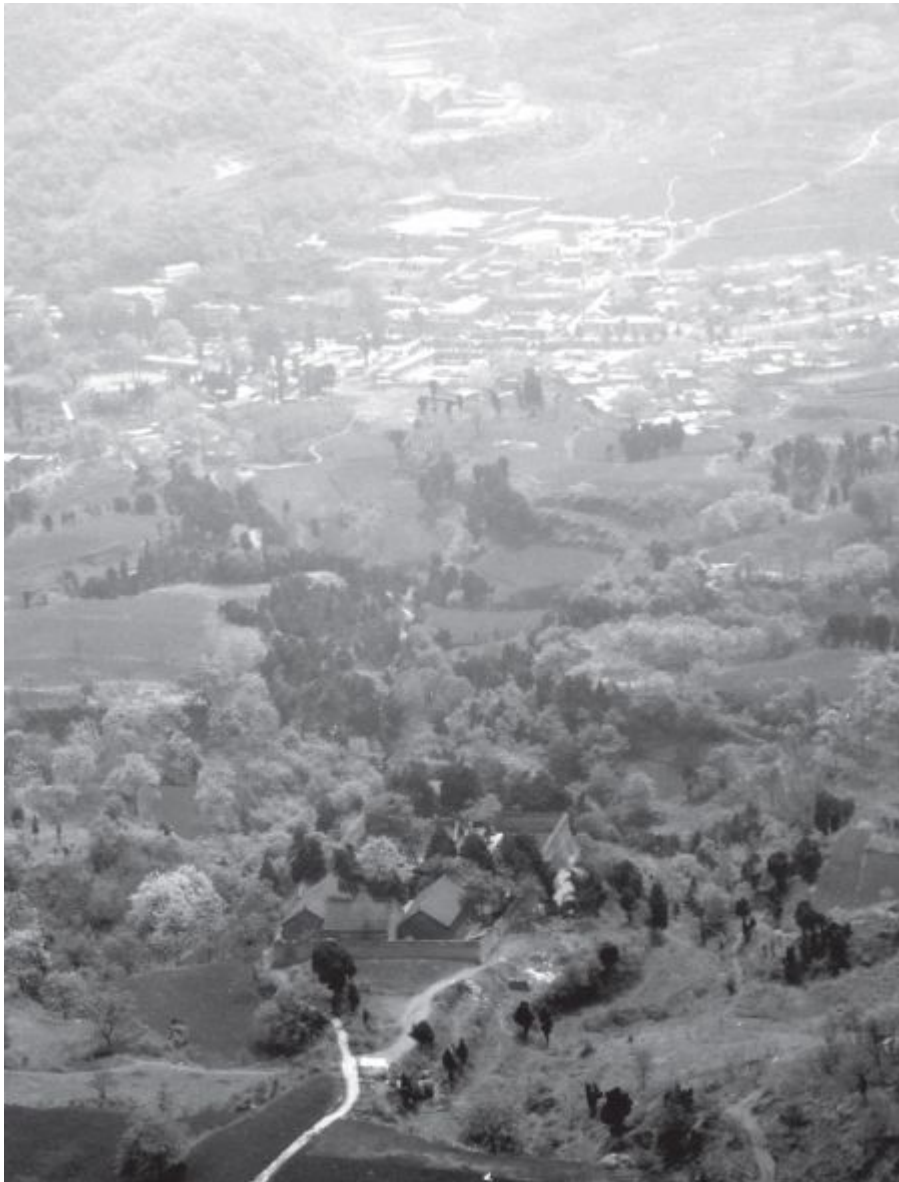
Не меньший интерес, чем сами легенды, представляет собой иконография Бодхидхармы. Все изображения, дошедшие до нас, можно условно разделить на две группы. На первой группе изображений перед нами предстает Бодхидхарма в виде традиционного для Китая буддийского монаха: лысым, без бороды, с характерным сиянием вокруг головы, в традиционных монашеских одеяниях, состоящих из ритуальной красной накидки (знак китайских монахов высшего посвящения) и рясы. На другой группе изображений Бодхидхарма предстает перед нами в виде традиционного индийского монаха: с черной курчавой бородой, обычно крайне сурового вида, в распахнутом халате. И та, и другая традиция иконографии появляются в XIV в. и, по сути, отражают двойственность представлений о Бодхидхарме: как о китайском патриархе Чань и как об индийском патриархе буддизма. Примечательно, что «китайский» Бодхидхарма обычно изображается мирно сидящим в медитации, в то время как «индийский» Бодхидхарма чаще всего яростен и неуправляем в своей мудрости, он преодолевает море на соломенной сандалиии или на стебле бамбука (символ преодоления «моря грехов и страданий») или стоит, грозно поднимая монашеский посох.

С этим стеблем бамбука связано распространенное предание. По легенде, когда Бодхидхарма узнал, что правитель У-ди хочет видеть его, он, будучи в тот момент на юге Китая, решил отправиться на север. Для этого ему было необходимо пересечь бурную реку Янцзы, но нигде он не мог найти даже утлого челна, чтобы переправиться на другой берег. Внезапно он неподалеку увидел пожилую женщину, которая собирала бамбук, и Бодхидхарма попросил у нее лишь один стебель. Затем осторожно положил этот стебель на воду, вступил на него – и стебель перенес его на другой берег. Все были поражены, но лишь один Бодхидхарма знал, что женщина, которая дала ему этот стебель, на самом деле была Бодисаттвой Авалокитешварой, которая специально явилась в этот момент, чтобы помочь Бодхидхарме распространить учение. Смысл этого предания в чаньской трактовке таков: если человек действительно искренне захочет сделать великое и доброе дело и даже если у него не будет на это физических сил, к нему всегда на помощь явится бодисаттва.

Портик перед пещерой Бодхидхармы, сооружен в 1603 г.

Девятилетнее сидение Бодхидхармы в пещере (или перед пещерой) стало благодатной почвой для появления многих мифов и преданий, подчеркивающих абсолютный покой сердца (аньсинь) патриарха, что на уровне обыденного сознания и воспринималось как истинное Чань. Например, существует предание о том, что мелкие птицы даже свили гнездо на плече у Бодхидхармы, а он и не пошевелился, что символизирует не только его полную умиротворенность, но и абсолютную природную естественность. Примечательно, что эта история и сегодня широко распространена в районе гор Суншань и в монастыре Шаолиньсы.

Спустившись вниз после девятилетнего пребывания в пещере, Бодхидхарма поселился в небольшом храме, названном в честь него Чуцзуань – «Обитель первого патриарха». Вид из пещеры Бодхидхармы, на переднем плане – Чуцзуань, ныне – женский монастырь

Сколько времени провел Первопатриарх в горах Суншань? Как ни странно, даже по этому поводу в преданиях нет согласия. Классическая версия гласит, что девять лет он просидел в «созерцании стены», а затем еще несколько лет (обычно речь идет о четырех, пяти или шести годах) наставлял двух своих учеников – Даюя и Хуэйкэ (по другой версии – лишь одного Хуэйкэ). В других преданиях говорится о десятилетнем сидении. А вот трактат «Записи о передаче драгоценности Дхармы» («Чуань фабаоцзи») говорит, что два ученика Даюй и Хуэйкэ в течение шести лет следовали за Бодхидхармой, но ни словом не упоминается его знаменитое девятилетнее «созерцание стены». Одни предания говорят, что Бодхидхарма поселился в пещере, по другим – он жил то ли в Шаолиньсы, то ли неподалеку от него, третьи утверждают, что он больше времени проводил в Лояне при дворе правителя, хотя приходил медитировать в горы Суншань.

«Зал стоящего в снегу» на территории монастыря Шаолиньсы, названный так в честь второго патриарха Чань – Хуэйкэ. Первоначально он назывался «Зал Первопатриарха», но после пожара и новой постройки в 1511 г. был переименован. Именно там находится камень с изображением Бодхидхармы из пещеры

Многих в предании о Бодхидхарме смущает масса мифологических подробностей, которые не позволяют в полной мере поверить во всю эту историю. Ну, как же можно сидеть девять лет не вставая лицом к стене? Как может так случиться, что на стене отпечаталось изображение Бодхидхармы? Но здесь следует отделить народные легенды, которые всегда расцветивают действительность сказочными подробностями, от буддийских исторических преданий, в которых при ближайшем рассмотрении оказывается множество вполне правдоподобных деталей, не имеющих никакого отношения к мифам.

Но почему во всех источниках о Бодхидхарме фигурирует именно девятилетнее сидение? По-китайски число «девять» (цзю) звучит также как и слово «долгий», не случайно нередко китайцы желают своим друзьям «двух девяток», то есть «долгого-долгого» долголетия. А поэтому девятилетнее созерцание Бодхидхармы лицом к стене не стоит воспринимать как точное указание на некий отрезок времени, но как упоминание о том, что патриарх действительно очень долго медитировал.

Эта цифра стала священной в чань-буддизме, так многие ученики проводили со своими учителями именно девять лет, тем самым как бы в иной проекции повторяя медитативный опыт Бодхидхармы. Возможно, что в первоначальном варианте речь

шла не о «девятилетнем сидении», а лишь о «долгом сидении» лицом к стене, что значительно ближе к реальности.

Уже потом народная традиция стала трактовать «долгое сидение» как «девятилетнее сидение», а когда это предание вошло в письменные источники, например в «Записи о передаче светильника», то там уже зафиксировалось число «девять». Точно также народная молва говорила о «недвижимом сидении лицом к стене», из чего потом был сделан вывод, что Бодхидхарма в буквальном смысле девять лет не вставал и не выходил из пещеры. Но как раз в буддийских преданиях нет прямого упоминания об этом, здесь все реальнее: Бодхидхарма в течение долгого времени (возможно девяти лет) жил в небольшом горном ските, где занимался долгой медитацией. Все становится на свои места, предание обретает вполне реальную основу.

Тем не менее «долго-девятилетний» период чаньской практики стал нормой для учеников, устанавливая некий предел обучения, после которого способный ученик, слушая наставления истинного учителя, должен достичь просветления. В этом смысле весьма примечателен диалог между учеником духовного лидера Северной школы Чань «постепенного просветления» Шэньсюя, некоего Чжичэна и Патриарха Южной школы Хуэйнэна. Чжичэн признается: «Я учился у Великого учителя Шэньсюя в течение девяти лет, однако так и не достиг просветления. Сегодня же, услышав Ваши слова, Преподобный, я познал изначальное сердце» [13, 167]. По сути, эта фраза – явный намек на то, что Шэньсюй – не истинный учитель, ведь он не смог привести талантливого ученика к просветлению за девять лет.

Кому была передана традиция?

Учителя Чань не только сумели сформировать великое учение – они сумели еще и глубоко запрятать его суть так, чтобы простым «любопытствующим странникам» было невозможно пробиться через внешне красивую, но абсолютно неправдоподобную ширму. А за ней, за этой красочной ширмой, как и принято в Китае, скрывается самое главное: вторая, или «тайная», линия передачи учения.

«Что это за тайная линия передачи?» – спросит читатель. Не то же ли это самое, что и знаменитый чаньский принцип, говорящий о том, чтобы не посвящать в знания людей из внешнего круга – «людей внешнего пути» (вайдао)? Нет, речь идет совсем о другом, и чтобы понять эту тайну, надо постичь самую суть передачи китайской «истинной традиции».

Китайский духовный трактат – всегда особого рода тайнопись, причем тайнопись, на первый взгляд, открытая для всех. Подавляющее большинство буддийских и даосских трактатов не только опубликованы ксилографическим (а сегодня и типографским) способом, но и получили широкое распространение в библиотеках монастырей, в домах чиновников, а ныне – и в электронном виде. Какая же тайна здесь может быть? Ведь это не каббала, где важен каждый знак, не метафорическое изложение европейских мистиков-алхимиков.

Давайте вспомним, о чем говорит традиционная версия передачи учения Чань:

первый Патриарх Бодхидхарма передал патриаршество своему первому и единственному ученику Хуэйкэ, который и понес его дальше. Но вот что пишет в предисловии к «Речениям Бодхидхармы» монах Таньлинь: «В ту пору лишь два шрамана (то есть бродячих монаха) – Даоюй и Хуэйкэ, несмотря на свой ранний возраст, сумели доказать искреннюю решимость следовать учению Первопатриарха. На их долю выпала удача повстречать Наставника Дхармы, и они следовали Бодхидхарме в течение многих лет. Они с трепетом обратились к Учителю с просьбой наставить их и полностью восприняли его учение».

Три патриарха Чань (справа налево): 2-й Патриарх Хуэйкэ (487–593), 4-й Патриарх Даосинь (580–651), 6-й Патриарх Хуэйнань (638–713). Однорукий Хуэйкэ держит трактаты, переданные ему Бодхидхармой, – символ сбережения знания

Вот как! У Бодхидхармы было, оказывается, два ученика – Даоюй и Хуэйкэ! Причем Даоюй называется первым, а в Китае порядок имен очень важен. Значит, он был либо старше по возрасту, либо считался более опытным в буддийских учениях. Примечательно, что они вместе пришли к Бодхидхарме и оба «полностью восприняли учение», то есть получили полную передачу знания. А поскольку Даоюй идет в перечислении первым, то... Неужели? Теоретически, именно он и должен был стать вторым патриархом или, по крайней мере, руководителем школы. Но упоминания о нем крайне редки – по загадочным причинам он был вымаран со страниц истории, хотя, как видим, посвященные монахи знали не только о его существовании, но и о том, что он обучался у Первопатриарха и даже считался старшим. Вот именно здесь и появляется «тайная передача» – истинная линия развития Чань, передачи всей полноты мудрости и методики управления сознанием пошла по линии Даоюя, а не Хуэйкэ. Хуэйкэ в этом случае оказывается «внешней линией», равно как и все патриархи, следовавшие за ним.

Дословно имя «Даоюй» означает «Образованный в Дао», «Просвещенный в Пути».

Каноническое изображение Хуэйкэ из «Зала шести патриархов» Шаолиньсы. Современная копия, воссозданная по скульптуре XIII в.

По сути, перед нами несколько традиций. Одна говорит, что у Бодхидхармы был лишь один прямой ученик – Хуэйкэ, другая же гласит, что их было по меньшей мере два – Даоюй и Хуэйкэ, причем именно Даоюй был старшим. Третья традиция утверждает, что таких прямых учеников было четверо: Хуэйкэ, Даоюй, Даофу и монашенка Цзунчи. Именно у этих четырех перед своим уходом Бодхидхарма спросил, в чем суть Чань. Трое ответили точными и мудрыми фразами – и Бодхидхарма одному сообщил, что у «тебя моя кожа», другому – «у тебя моя плоть», третьей – «у тебя мои кости». Хуэйкэ же не стал ничего говорить, он ответил легким поклоном на вопрос, о котором рассуждать просто бессмысленно. И именно ему Бодхидхарма сообщил: «У тебя мой спинной мозг» – то есть суть. Учение-дхарма и ряса, то есть патриаршество, согласно этой версии, были переданы именно Хуэйкэ.

Правда, многие комментаторы и чаньские учителя считают, что в действительности никому Бодхидхарма так и не передал свое патриаршество в полной мере. Он был недоволен своими ближайшими учениками, о чем и свидетельствует его последний диалог с четверкой ближайших последователей, об этом можно подробнее прочитать в примере чаньских наставлений «Кости и плоть Бодхидхармы». Хуэйкэ оказался просто лучшим из худших, но он вряд ли был достоин воспринять всю суть Чань.

А, возможно, истинное знание было передано Бодхидхармой не Хуэйкэ, а кому-то

другому. Мнение об «обманном знании» оказалось распространено весьма широко, вероятно, уже с IX в., фактически с момента завершения формирования общих основ Чань. В частности, трактат «Чуань фабаоцзи» («Записи о передаче драгоценности Дхармы») именуется «созерцание стены» и «четыре типа деяний» просто «временными и частными методами той эпохи», которые «ни в коей мере не соответствуют тому, что проповедовал Бодхидхарма» [116, 356].

Все это отражает и тот факт, что вокруг патриаршества Чань сразу же возникли споры, формальные лидеры, которые получали одобрение двора (тогда он располагался в г. Лояне в провинции Хэнань) и даже именовались «государственными наставниками» (гоши), не совпадали с реальными духовными лидерами Чань. Последние активно сторонились всяких государственных постов и официальной деятельности, были не привязаны ни к карьере, ни к формальным должностям.

Не ясно, и сколько учеников было у Бодхидхармы, сложилась ли вокруг него большая школа или это было лишь несколько человек? Жили они в монастыре или в ските в горах? Таньлинь (VI в.) в своем предисловии к трактату «О двух проникновениях и четырех действиях» говорит, что у Бодхидхармы было два прямых ученика, «Записи о передаче светильника» – четыре.

Ваза из Шаолиньского монастыря, на переднем плане – Бодхидхарма, за ним стоит Хуэйкэ

Да и вообще, существовала ли действительно некая «линия патриархов», по которой и передавалось учение? Первым эту линию «выстраивает» монах Фажу (638–689), который был прямым учеником пятого Патриарха Чань Хунжэня (601–674).

Дело в том, что истинная традиция может передаваться только по прямой линии, от учителя к ученику, от «сердца к сердцу» путем непосредственного общения с наставником. О ней нельзя прочитать в трактатах. Так образуется идея о «линии патриархов», причем в данном случае патриарх (цзу) выступает не как «главный буддист», но как критерий абсолютного просветления, живущий рядом с обычными людьми. Патриархи существовали и в индийском буддизме, хотя вокруг того, насколько верна линия патриаршества, описанная в трактатах, до сих пор идут яростные догматические сражения. Поскольку китайский буддизм на первых порах «подражал» индийскому, такая же линия должна была возникнуть и в Китае.

Преподобный Ши Суси, последний из великих патриархов традиции Чань, бывший настоятелем Шаолиньского монастыря. По преданиям, именно ему перешла «тайная традиция» Бодхидхармы

Фажу первым пытается выстроить линию патриаршества, но здесь надо учитывать по крайней мере две тонкости: во-первых, эта линия касается только той школы, к которой принадлежал сам Фажу, другие школы ее могли и не признавать; во-вторых, ниоткуда не следует, что «линия патриархов» вообще существовала до этого момента. Просто Фажу надо было оправдать абсолютную истинность той традиции, к которой принадлежал он сам. И по сути, он выстроил в ряд тех учителей, к школе которых он сам и принадлежал. Уже потом именно эта линия закрепилась в традиции, в частности, она вошла в основополагающие трактаты истории Чань «Хроники из Зала патриархов» (X в.) и «Записи о передаче светильника» (XI в.). Бодхидхарма в соответствии с этой линией передачи является и 28-м Патриархом индийского буддизма и первым Патриархом буддизма Чань. Это как бы связывает воедино две традиции, а то направление буддизма, которое пошло от Бодхидхармы, может вполне претендовать на самую глубокую и истинную историю – ведь вся эта линия восходит к самому Будде! За Бодхидхармой уже выстраивается ряд китайских Патриархов: Хуэйкэ, Даосюань, Сэнцань, Хунжэнь и знаменитый 6-й Патриарх Хуэйнань. По преданию, он завещал больше не продолжать линию патриаршества, поскольку учение Чань уже столь широко распространилось, что не может быть сохранено лишь в одной школе. Но устная чаньская традиция нередко гласит, что

тайная линия патриаршества все же продолжается, просто она оказалась специально сокрыта в соответствии с важнейшим принципом «не передавать учение вовне», то есть вне посвященных школы. А это значит, что прямые наследники Бодхидхармы живут среди нас. Среди них чаще всего называют великих наставников монастыря Шаолиньсы.

Проповедь учителей Ланкаватары

Явился ли Бодхидхарма основателем учения Чань? Конечно же нет. И в догматическом, и в историческом смысле учение Чань существовало задолго до него. Он был всего лишь одним, безусловно, выдающимся учителем, который проповедовал особый тип практики – практики медитации.

Что же такое Чань с точки зрения сухой теории? Это особый путь к просветлению через медитацию, очищение своего сердца и обнаружение состояния Будды внутри себя. Как следствие этот путь базируется на том, что личный опыт человека, его подвиг внутреннего очищения ставится несравнимо выше, чем чтение трактатов, сутр – то, что так высоко ценилось в классическом буддизме.

По преданиям, Бодхидхарма оставил в монастыре Шаолиньсы для своих последователей специальные медитативно-гимнастические упражнения, а чуть позже из них родилось внутреннее искусство «Восемь отрезков парчи» (Изображение на стеле Шаолиньсы)

Даже во времена Бодхидхармы эта теория была не нова: ее активно проповедовал ряд учителей, которые базировались на основных постулатах «Ланкаватара-сутры» (кит. «Лэнцзя абодоло баоцзин», яп. «Рюга-кю»), поэтому они и именовались «учителями Ланкаватары». Бодхидхарма был одним из них, хотя эти наставники не образовывали единую школу, они нередко спорили между собой, но все сходилось так или иначе на том, что просветление или даже очищение сердца возможно только путем медитации, причем медитации как пассивной – например сидячей, так и активной – через особого рода деяния.

Школа отнюдь не называлась «Чань», это было обозначением одного из видов

монашеской практики: можно было возносить молитвы, читать сутры, а можно было практиковать «цзочань» – «сидеть в созерцании». Уже позже под «Чань» стало подразумеваться отдельное направление буддизма.

Долгое время у того учения, что передал Бодхидхарма, даже не было самоназвания. Примечательно, что в «Стеле Хуэйкэ» монаха Фалиня, где впервые рассказывается о встрече Бодхидхармы со своим единственным продолжателем Хуэйкэ, речь идет о «школе Дхармы умиротворения сердца» (аньсинь фамэнь). В китайском варианте «Ланкаватара-сутры» просто говорится о «Школе единой колесницы с Юга Индии» [11, цз.4]. Кстати, именно так – «Школа единой колесницы» (Ичэн цзун) – несколько раз именуется учение Чань в «Сутре Помоста шестого патриарха», чем как бы подчеркивается то, что Чань уравнивает «Малую колесницу» (Хинаяну) и «Большую колесницу» (Махаяну).

Вообще во многих средневековых текстах понятие «Чань» (либо как метод медитации, либо как название школы) является синонимом «Школы Ланкаватары» – «Лэнце-цзун». Скорее всего именно так и называлось направление, которое проповедовал Бодхидхарма.

Что же такое «Ланкаватара-сутра»? Это одно из центральных произведений буддизма Махаяны, настолько же известное, настолько и мистическое по своему внутреннему смыслу. Содержание сутры делает упор на то, чтобы в момент медитативного состояния человек смог бы устранить всю двойственность своего восприятия, разрушить стену между собой и внешним миром, между отдельными вещами и всей вселенной. В связи с тем, что текст делал основной упор именно на медитацию, он стал считаться одним из основных трактатов школы Йогачары, или школы «Только сознания», которая также принадлежит к направлению Махаяны.

Полное название этого произведения – «Саддхана Ланкаватра-сутра» («Сутра о появлении Благого Закона на Ланке»), она датируется приблизительно IV в., хотя некоторые части сутры возможно появились раньше. Сутра содержит в себе наиболее полное изложение учения направления Махаяны о медитации. По преданию, сутра содержит записи речений Будды на мистической горе Ланке. Традиционно считается, что сутра содержит каноническое изложение школы виджнянавады («Учение о сознании»).

Сутра относится к одной из девяти классических категорий палийских писаний (анга), называется «ведалла» на пали или «вайпулья» на санскрите, которая включает учение, изложенное в канонической форме катехизиса. В частности, под эту категорию попадают такие известные произведения, как «Сутра Лотоса», «Праджняпарамита-сутра» и другие.

Всего существовало по крайней мере четыре перевода «Ланкаватара-сутры» на китайский язык, причем все они заметно различались друг от друга по объему. Первый был сделан Дхармараксой в 412–433 г., но не дошел до нас. Второй перевод в 4 цзюаня, ставший позже основным, был осуществлен Гунабхадрой в 473 г., третий – Бодхиручи в 513 г. в 10 цзюаней, четвертый – Сиксанандой в 704 г. в 7 цзюаней. Все три последних перевода сохранились и включены в китайское издание «Трипитаки» (соответственно тт. 670, 671, 672).

Долгое время «Ланкаватара-сутра» оставалась центральным текстом чань-буддизма, чаньское предание гласит, что ее принес из Индии Бодхидхарма и посвятил в ее смысл лишь своего первого ученика Хуэйкэ (487–593). После своего ухода (по другим версиям – после смерти) Бодхидхарма оставил Хуэйкэ этот трактат,

обратившись к нему, как передают «Записи об учителях и учениках Ланкаватары» со следующими словами: «Я взираю на земли Хань (то есть на Китай. – А. М.) – они должны получить эту сутру. Справедливый человек, что сумеет совершать поступки, опираясь на нее, сможет достичь освобождения от мира» [12].

Более поздние дописки пытались объяснить столь существенную роль «Ланкаватара-сутры» в проповедях патриархов. Например, «Хроники из Зала патриархов» («Цзу тан цзи») содержат пассаж, где чаньский наставник Мацзу говорит, что именно Бодхидхарма принес «Ланкаватара-сутру», и поэтому она столь важна для него.

Чань-буддизм как по форме, так и по содержанию явился развитием тех идей, которые содержала «Ланкаватара-сутра». Слова не могут ни создать реальность (как полагали некоторые школы буддизма), ни адекватно ее отразить. Ими нельзя выразить глубинную сущность, они лишь замутняют непосредственное, прямое отражение реальности. «Ланкаватара-сутра» выражает эту мысль, в частности, через диалог между Буддой и его учеником: «Будда обратился к Махамати: “О, Махамати, когда ты хочешь познать все вещи, как внешние, так и внутренние, знай, что они созданы лишь твоим сердцем (разумом), отдели себя от шумов, умиротворишь и усни, и прозрей все различные аспекты своего сознания”» [85, 117]. Об этом же неоднократно говорит и Бодхидхарма в своих проповедях.

Первый из четырех цзюаней сутры так описывает эту концепцию: «Три мира – лишь наше сердце» (сань цзе вэй синь). Это значит, что весь видимый и невидимый мир сводим к нашему сердцу или душе. Позже она легла в основу школы Вэйчжи цзун («Школа Только сознания», VII в.), которая восходила к классической буддийской философии виджнянавады (V в.). Весь мир, который нас окружает, все явления, люди и другие существа, то есть «три мира», изначально заключены в нашем сердце. Даже сам Будда, точнее его природа, его внутренняя суть, также живет в нашем сердце, душе или сознании (синь). А отсюда же существует «только сердце» (вэй синь), учитывая, что под китайским понятием «сердце» подразумевается совокупность всей психической и духовной деятельности человека. Таким образом следует постигать «только сердце».

Концепция «только сердца» базируется на ряде четко сформулированных постулатов, в основном относящихся к гносеологии буддизма, к самой природе Знания: «пять способов [получения Знания], „три самоприроды“, „два типа наличия и отсутствия Я“. „Пять способов“ (у фа) подразумевают пять путей постижения нашего бытия и включают деяния и явления (ши у), понятия (гай нянь), размышления (сы вэй), истину (чжэнь ли), мудрость (чжи хуэй). „Три самоприроды“ (сань цзы син) предполагают три этапа, через которые проходит человек, очищая изначальную природу или свое изначальное сердце на пути к освобождению: самоприрода суетных (иллюзорных) мыслей (ван сян цзы син), когда человек еще не способен избавиться от желаний, иллюзий и раздражающих мыслей; самоприрода постижения первопричин (юань ци цзы син), когда человек уже понимает взаимосвязь вещей и явлений, их исток и свое место, но еще не способен достичь окончательного освобождения; и реализованная самоприрода (чэн цзясин). Последний этап и является моментом просветления.

Сегодня изображения Бодхидхармы, переправляющегося через море в Китай, как символа «передачи истины через море незнаний» помещаются перед алтарем многих чаньских последователей и шаолинских монахов

Наконец, «два самоотсутствия» (эр у во) подразумевают отсутствие «Я» как такового (у-во, досл. «не-я»), так и отсутствие дхарменного не-я (фа у во). Последнее означает, что человек даже не является сгущением, скоплением мельчайших частиц дхарм – он лишь нечто, произведенное сердцем-душой самого человека, его сознанием.

Другой важной концепцией «Ланкаватара-сутры» становится тезис о «сокровищнице Воистину пришедшего» (жу лай цзан). Она гласит, что все сущее, все люди имеют свой исток в мистическом теле Татхагаты (то есть Будды), и как следствие все в равной степени обладают «природой Будды» (фо син), ничем не отличаясь от него. А это значит – каждый способен достичь состояния Будды, что именовалось «единая истинная природа» (тун и чжэнь син).

Природа Будды, и как следствие природа каждого человека, изначально чиста и пустотна, лишь иллюзии, страсти могут замутнить ее: «Хотя само-природа и чиста, пыль может осесть на нее, и поэтому она может видаться нам как нечистая» [11, 481]. Благодаря потенциальной пустотности нашей природы, весь внешний мир,

наполненный вещами и явлениями, представляется иллюзорным.

Осознание «единой истинной природы», внутреннее самоочищение и избавление от иллюзий вели к «возвращению к истине» (гуй чжэнь), то есть к изначальному, нерасчлененному видению мира, к возвращению в «сокровищницу Воистину пришедшего». Как следствие вся практика Ланкаватары, а затем и чань-буддизма была направлена на «очищение сердца от пыли мира», для этого и использовалась сидячая медитация, которая приобрела в Чань традиционный вид созерцания лицом к стене – «созерцания стены» (би гуань).

«Ланкаватара-сутра» объясняет, что существует четыре типа созерцания-Чань. Первый – это «Чань, которому следуют глупые люди», то есть чисто механическое занятие медитацией, не дающей плодов очищения. Под глупыми людьми или под глупцами здесь подразумеваются, прежде всего, шраваки (слушающие), то есть те, кто слышит слова Будд и бодисаттв, может их повторить, но не способен ни осознать их, ни следовать этим наставлениям. Более высокий этап представлен «Чань взирающих на все за и против» (гуань чаъи чань), то есть людьми, находящимися в расчлененном, двойственном состоянии сознания, не способными понять единую суть всех вещей и явлений. Затем следует «Чань тех, кто находит опору своим сознанием в чувственном» (чань юань жу чань), то есть людей, преодолевших влияние внешнего мира на себя, но еще опирающихся на свои чувства и переживания. И лишь четвертый тип созерцания может считаться истинным – «Чань Воистину пришедшего», то есть при котором последователь идентифицирует себя с самим Буддой и достигает освобождения от всех мирских условностей.

Таким образом, «Ланкаватара-сутра» устанавливает приоритет интуитивного знания над книжным, начетническим, ставя во главу угла опыт личного мистического переживания. Это находит свое отражение в концепции противопоставления «проникновения через школу» (цзун тун) и «проникновения через слова» (шо тун). «Проникновение через школу» подразумевает постижение именно глубины истины и «пробуждения» (у), требует игнорировать чисто вербальные объяснения, письменные тексты, ведущие лишь к иллюзии достижения знания и просветления. Прежде всего необходимо «самому почувствовать мир духовного» (цзы цзюэ шэн цзин), но не просто услышать или прочитать о нем.

Тезис «не опираться на письмена» (бу ли вэнь цзы), восходящий к «Ланкаватаре-сутре», мы позже встречаем в проповеди Бодхидхармы и других чаньских патриархов. Более того, нередко подчеркивается, что великие чаньские наставники были вообще безграмотны, что как бы указывало на предельное выражение «игнорирования письмен».

В не меньшей степени чань-буддизм перенял и тезис о первейшем значении личного опыта, говоря о необходимости само-пестования (цзы сю), само-пробуждения (цзы у), само-исправления (цзы чжэн).

«Ланкаватара-сутра» явилась буквальным техническим пособием по медитации. Тем не менее, тот подход к осмыслению медитации, который предлагал Чань, заметным образом отличался от способов Ланкаватары, о чем мы скажем несколько ниже.

Якобы в эти ворота Шаолиньсы вошел Бодхидхарма, чтобы передать монахам новое учение о созерцании. Но ничего не подтверждает тот факт, что Первопатриарх вообще когда-то появлялся в этих местах

В «Ланкаватара-сутре» были заложены в сжатом виде практически все те аспекты, которые затем получили особое развитие в Чань. Там мы встречаем и учение о «только сердце» или «сердце-основе», то есть о «Будде внутри себя». Концепция «внезапного просветления» (дунь у) также имеет корни в индийском буддизме. Например, спор о «постепенном» и «внезапном», на основе которого произошло затем разделение на южную и северную школу чань-буддизма, мы встречаем в «Ланкаватара-сутре».

Учителя Ланкаватары

Что же оставил после себя Бодхидхарма, какое учение он проповедовал? Именно в «Продолжении жизнеописаний» мы впервые встречаем ответ на этот вопрос. Даосюань упоминает, что Бодхидхарма передал Хуэйкэ четыре свитка «Ланкаватара-сутры» [18, 551б]. Именно отсюда берет свое начало версия о раннем Чань как о «традиции Ланкаватары». Важно заметить, что ни о каком «отказе от письменных знаков» в передаче учения, ни о концепции долгой медитации здесь речи еще не шло, ибо образ Бодхидхармы, как символа всего чаньского учения, только начинал складываться.

Много ли было в VI–VII вв. учителей Ланкаватары? Точно ответить на этот вопрос сложно. Дело в том, что практически всех наставников, которые так или иначе проповедовали созерцание и «учение о сердце» как об истоке всего сущего, принято было называть «учителями Ланкаватары».

К наиболее ярким учителям Ланкаватары относятся прежде всего Даосинь и Хунжэнь, названные позже соответственно четвертым и пятым чаньскими Патриархами, основавшие школу в горах Дуншань, откуда и пошло выражение «Дхарма с гор Дуншань» (дуншань фа). В их проповеди было немного новшеств относительно традиции Ланкаватары, они ревностно придерживались текста Сутры и прямо указывали на это. Так Даосинь говорил: «Когда я говорю о Дхарме, то всегда опираюсь на “Ланкаватара-сутру” и считаю, что самое основное в ней – это сердце Будды».

Традиция «Ланкаватара-сутры» была продолжена и позже начала проповеди Хуэйна в начале VIII в. Ее последователями стали сторонники так называемой северной школы Чань во главе с Шэньсюем.

Вся линия учеников и последователей Бодхидхармы принадлежала к этим «учителям Ланкаватары». Например, пять первых чаньских Патриархов (Бодхидхарма, Хуэйкэ, Сэнцань, Даосинь и Хунжэнь), а также последователи нескольких боковых ветвей описаны в знаменитой хронике «Записи об учителях и учениках Ланкаватары» («Лэнцзя шицзы цзи», 720 г.). Эта хроника рассказывает о тринадцати наставниках, принадлежащих восьми поколениям, среди них Гунабхадра, Бодхидхарма, Хуэйкэ, Сэнцань, Даосинь, Хунжэнь, Сюаньцзэ (ученик Хунжэня), Хуэйань (ученик Хунжэня), Пуцзи, Ифу (оба – ученики Шэньсюя, основателя северной школы Чань), Цзинцзюэ (ученик сначала пятого Патриарха Хунжэня, затем Шэньсюя), Хуэйфу. Как видим, таких учителей, что проповедовали созерцание, было немало.

Несколько раньше в 713 г. появляется труд «Предисловие к записям о передаче драгоценной Дхармы» («Чжуань фа юй цзи бин сюй») в один цзюань, обнаруженный в библиотеке Дунхуана. Там также приводится список учителей Ланкаватары, но в более сокращенном и несколько измененном виде: Бодхидхарма, Хуэйкэ, Сэнцань, Даосинь, Хунжэнь, Фажу (ученик Хунжэня), Шэньсюй. Там же говорится и о ранней практике учителей Ланкаватары: «Они созерцали стену и следовали четырем деяниям» (би гуань цзи сы син). По сути, «созерцание стены» и «четыре деяния» и являются основными заповедями, которые оставил своим ученикам Бодхидхарма, до сих пор это является ключевой практикой всех чаньских монахов. Как видим, Бодхидхарма представлял именно буддийскую ветвь Ланкаватары.

И конечно же он не был ни первым, ни единственным в своей проповеди в Китае, до него существовало по крайней мере несколько известных индийских учителей, которые уже создали в Китае свои школы на основе Ланкаватары.

В чем же заключалась необычность такой проповеди «очищения сердца, не опираясь на письма»? Заметим, что индийские и ранние китайские школы буддизма провозглашали возможность достижения нирваны лишь в результате многочисленных перерождений и накопления благой кармы посредством добрых поступков, что должно было выступать эхом безмерной милости и сострадания Будды, который спасает всех людей, независимо от их веры и социального положения. Но столь отдаленная перспектива спасения оказывается в Китае уже не очень убедительной. Прагматизм китайского мышления выдвигает иной принцип, ставший одним из ключевых в Чань, достижение освобождения (то есть просветления) «здесь и сейчас», «в этом теле», без дополнительных перерождений лишь благодаря внутреннему подвижничеству и самоочищению в совокупности с благодатными мирскими делами. Не сложно уловить всю привлекательность этого тезиса, обещающего «прижизненное спасение». Но в то же время данный принцип как бы «сжимал» все предыдущие перерождения до размеров одной человеческой жизни и требовал более активного стремления, абсолютного внутреннего

подвижничества в равной степени далекого как от аскетизма старых школ, так и от неумеренной «естественности жизни» китайских даосов.

Гигантская 12-метровая статуя Бодхидхармы, воздвигнутая на пике Ужу в 1995 г.

Школа Чань начиналась именно как сообщество монахов, следовавших традиции, изложенной в «Ланкаватара-сутре» [11], а первые учителя, приходившие из Индии с проповедью Дхианы, были наставниками Ланкаватары. В частности, знаменитый Бодхидхарма, которого традиция назвала первым Патриархом Чань, являлся, по сути, одним из многочисленных наставников Ланкаватары, приходивших в Китай из Индии в V–VI вв.

Многие средневековые авторы полагали, что Бодхидхарма принадлежит именно школе Ланкаватары – никто его до XI в. не именовал Первопатриархом Чань. Так знаменитый трактат «Записи об учителях и учениках Ланкаватары» («Лэнце шицзы цзи») монаха Цзиньцзюэ (683–750) упоминает среди «учителей Ланкаватары Бодхидхарму, хотя и вскользь. „Среди всех тех, кто практиковал сидячее созерцание, был Наставник Бодхидхарма, который также растолковывал основные положения Ланкаватара-сутры. Эти наставления были собраны в книгу в двадцать-тридцать страниц и именовалась «Учение Бодхидхармы“.

Итак, как видим, Бодхидхарма практиковал сидячую медитацию, а свою проповедь основывал на «Ланкаватара-сутре».

В реальности же учителей Ланкаватары, делавших особый упор на медитацию (дхиану) как на основной, а порой и единственный способ достижения просветления, было в Китае несколько десятков, причем практически до VIII в. Бодхидхарма отнюдь не был признан в китайском буддизме явным лидером этого направления. До этого времени значительно выше ценились другие учителя, в частности, один из первых переводчиков «Ланкаватара-сутры» на китайский язык Гунабхадра (394–468).

Гунабхадра в ранний период Чань еще до создания канонической истории этого учения ценился никак не ниже, если не выше, чем сам Бодхидхарма. В частности, существует предание, что именно Гунабхадра, возводя помост для посвящения в районе монастыря Фасинсы, предсказывает, что на этом месте через 170 лет получит посвящение «живой бодисаттва» – и действительно, именно здесь через предсказанный срок, по преданию шестой чаньский Патриарх Хуэйнан получил посвящение. Этот эпизод содержится в предисловии Фахая к «Сутре Помоста» (VIII в.) и в ряде более поздних источников. Таким образом истинность прихода Хуэйнана в этот мир как шестого патриарха Чань подкрепляется не авторитетом Бодхидхармы, а другим наставником традиции Ланкаватары – Гунабхадрой. Скорее всего именно Гунабхадра и стал основоположником первой большой школы китайского Чань.

Более того, многие хроники называют именно Гунабхадру первым официальным Патриархом Чань. В частности, «Записи об учителях и учениках Ланкаватары» («Лэнцзя шицзы цзи») считают первым Гунабхадру, вторым – Бодхидхарму, третьим – Хуэйкэ и т. д.

Примечательно, что само чаньское патриаршество здесь определяется чисто по формальному признаку – через передачу самого текста «Ланкаватара-сутры», что указывает на то, что первоначально чань-буддизм воспринимался именно как школа, изучающая этот текст. В связи с этим не кажется странным, что ранние школы Чань считали своим основоположником именно Гунабхадру как первого переводчика «Ланкаватара-сутры» на китайский язык.

О первом чаньском проповеднике Гунабхадре известно не многое. Лишь «Жизнеописания достойных монахов» («Гаосэн чжуань»), монаха Хуэйюаня (497–554) и «Продолжение жизнеописаний достойных монахов» («Сюй гаосэн чжуань») сообщают нам, что он был выходцем из центральной Индии и последователем направления Махаяны. В двенадцатый год под девизом правления Юань-цзы, то есть в 436 г., он прибывает на юг Китая, в Гуанчжоу. Путешествие Гунабхадры в Китай сопровождалось немалыми чудесами, в частности, когда он вышел на лодке в море, внезапно стих ветер и его судно не могло двигаться дальше, а вскоре кончилась и пресная вода. Гунабхадра и его попутчики были обречены на мучительную смерть. И тогда Гунабхадра сотворил в своей душе молитву и принес покаяние, и тотчас подул ветер и люди были спасены «благодетельством Гунабхадры». В Китае Гунабхадра была устроена торжественная встреча несколькими известными монахами, а наместник Чэ Лан сделал представление императору о прибытии знаменитого индийского проповедника.

С тех пор Гунабхадра жил под личным покровительством императора, и это в немалой степени способствовало распространению учения о созерцании и «очищении сердца». Последователями Гунабхадры становятся не только монахи, но и многие аристократы, военачальники и уездные правители, а вскоре он был

приглашен императором для перевода ряда классических трудов на китайский язык, в том числе и «Ланкаватара-сутры». Перевод этой сутры был осуществлен, как гласят хроники, в округе Даньян, при Гунабхадрае постоянно находились более семисот последователей (вероятно приходивших к нему в разное время), запись производилась не самим Гунабхадрой, а одним из китайских монахов со слов индийского миссионера. Гунабхадра и его помощники «то и дело прерывались, чтобы обсудить спорные места и полнее передать смысл оригинала».

Вероятно, Гунабхадра не мог свободно говорить по-китайски, поэтому некоторые места в «Ланкаватара-сутре» давались в трактовке. Предание передает, что индийского миссионера очень беспокоил тот факт, что он не мог свободно читать проповеди по-китайски. И тогда во сне ему явился человек в белом облачении и велел ни о чем не беспокоиться. Затем он отсек Гунабхадре голову и тотчас приделал новую. После этого Гунабхадра проснулся со спокойной душой – на следующий день он мог свободно говорить по-китайски.

Гунабхадра обладал удивительным даром предвидения и предсказал несколько заговоров, спасая императора от врагов. В сильнейшую засуху Гунабхадра своими молитвами сумел вызвать дождь и спасти людей от голода. В другой раз Гунабхадра узнал, что монахов одного из монастырей мучили ночные кошмары, им являлись духи. Тогда Гунабхадра воскурил благовония и начал обряд заклинания духов, сказав: «Ваше нынешнее обличие происходит от предыдущих перерождений. Я возведу монастырь, буду совершать ритуальное хождение и принесу покаяние. Если пожелаете остаться здесь, то станьте добрыми божествами и хранителями

монастыря. Если же не сможете сделать этого, то изберите другое пристанище». И вскоре монахи монастыря увидели во сне, как духи числом в тысячу с поклажей перебираются в другое место. [18, 552б; 36, 189–193].

Этот примечательный эпизод экзорсизма вообще характерен для первых школ Чань, когда еще сильны были традиции раннего буддизма, позже духообращение уходит из Чань, поскольку контакты с духами ассоциировались с «неправильным учением» или, как говорил шестой Патриарх Хуэйнан: «Да не обрящете убежища на пути внешнем, ложном и полном злых духов-гуй».

Гунабхадра вошел в историю как один из основных переводчиков, переложив на китайский язык более тысячи свитков-цзюаней самого различного содержания, однако чаньская традиция почитает его именно как переводчика «Ланкаватара-сутры». Связь Гунабхадры с Бодхидхармой – ныне общепризнанным первым Патриархом Чань, нигде не прослеживается, скорее всего эти два индийских проповедника никогда не встречались. Однако ряд авторов, опираясь на туманные намеки в «Записях об учителях и учениках Ланкаватара», считают, что Бодхидхарма мог обучаться под руководством Гунабхадры в некоем монастыре Гуансяосы [93, 20]. Вероятность этого крайне мала, поскольку Гунабхадра умер в 468 г., а Бодхидхарма мог прийти в Китай не раньше 510 г.

Передача самого экземпляра текста, и, как следствие, учения, изложенного в «Ланкаватара-сутре», символизировала собой передачу истинной традиции Чань. Поэтому Гунабхадра и выступал в качестве «основоположника» традиции. Какой-то экземпляр текста «Ланкаватара-сутры» попадает к Бодхидхарме, возможно, это и был перевод, сделанный Гунабхадрой, во всяком случае история ничего не говорит о том, что Бодхидхарма сам делал какие-то переводы. Этот текст он и передает Хуэйкэ. Хуэйкэ, ставший вторым Патриархом, передает учение Сэнцаню (ум. 606), тот – четвертому Патриарху Даосиню (580–651). Пятым Патриархом становится Хунжэнь (601–674), а затем школа Чань разделяется, как гласит традиция, на два направления: северное, во главе которого стоял Шэньсюй (670–762), и южное, духовным лидером которого был Хуэйнан (638–713). Оба они претендовали на титул шестого Патриарха, поскольку являлись учениками Хунжэня, но традиция признала шестым Патриархом именно Хуэйнана, отдав первенство учению о «внезапном просветлении» в противоположность «постепенному просветлению» Шэньсюя.

Что завещал Первый Патриарх

О чань-буддизме написано очень много, поэтому нередко кажется, что ничего уже действительно тайного в нем нет: надо просто заниматься постоянной практикой и тогда можно прийти к очищению сердца и озарению сознания. Но вот вопрос – какой конкретно практикой надо заниматься? Даже рассуждения о необходимости «сидячей медитации» (цзочань) сами по себе ни о чем не говорят: существует множество способов медитации, много методов концентрации, сотни методик, которые сопровождают медитативную практику. То есть чань-буддизм – это еще не медитация и тем более не рассуждения об «освобождении сознания», «неопосредованном знании» и многом другом, о чем так любят писать западные авторы.

Бодхидхарма в виде путника, переправляющегося через море, стоит рядом с Буддой. Изображение из монастыря Шаолиньсы

Прежде всего, чань-буддизм – не письменная традиция, ни одна методика не изложена ни в одной книге. Но как же многочисленные трактаты, повествующие о деяниях мастеров, наставления известных учителей, в том числе самого Бодхидхармы? Обратим внимание: ни один из этих трактатов не излагает методику, не описывает ни в подробностях, ни в общих чертах методов медитации пестования собственного духа. В этом воплощается первый принцип, завещанный учителями Ланкаватары и самим Бодхидхармой: «Учение не передается вовне и не опирается на письмена» (цзяо бу вай чуань, бу ли вэнь цзы). Таким образом, в учении Чань может существовать лишь устная, прямая передача вне текстов и записей. И это значит, что тот, кто стремится к чаньской мудрости сегодня, равно как и в древности, должен искать посвященного учителя – иного выхода нет. А еще одно означает, что подавляющее большинство книг о «дзэнской медитации» – не более чем обман, настоящий наставник никогда не будет описывать это, да к тому же и публиковать массовыми тиражами.

В чем заключалось раннее учение о созерцании, которое передавал Бодхидхарма? В общем плане на этот вопрос ответить не сложно, поскольку Бодхидхарма был

одним из проповедников традиции Ланкаватары, которая в основном опирается на «учение о сердце» (синь), изначальная чистота которого и есть состояние «буддовости» (фо син). Значительно менее известно, какие же конкретные методы передавал Бодхидхарма и другие индийские проповедники того времени.

Здесь существуют, по меньшей мере, два ключевых вопроса, непосредственно касающихся раннего периода Чань, которые всегда были весьма актуальны для последователей этого учения: что непосредственно передал первый патриарх своим ближайшим ученикам и насколько точно это знание было воспроизведено в последующих поколениях.

В состояние просветления можно проникнуть двумя способами, причем их следует применять параллельно: через «осознание принципа» (ли жу) и через «практические действия» (син жу). «Принцип» (ли) здесь понимается как получение теоретических наставлений от своих учителей и осмысление их, в том числе и через медитацию, «практические действия» или «поступки» предполагают осуществление чаньских принципов на практике, в том числе и в качестве проверки духовной крепости, стойкости и приобретенного опыта. Именно поэтому Чань всегда рассматривается как некий «практический» буддизм, не привязанный собственно к монастырскому житию. Последователями Чань становились поэты и чиновники, эстеты и императоры, мастера чайной церемонии и ученые.

Таким образом под «двумя проникновениями» подразумевались два параллельных пути, которыми человек достигает внутреннего очищения: через духовный принцип (ли), то есть через созерцание, и через деяния (ши). Четыре типа действия включают «воздаяние за [творимые тобой] обстоятельства», «следование обстоятельствам», «отсутствие желаний» и «пребывание в соответствии с Дхармой». В предисловии к трактату, написанном монахом Таньлинем, приводятся слова Бодхидхармы, кратко излагающие суть его учения: «Умиротворите свое сознание, предавайтесь практическим делам, пребывайте в соответствии с естественным порядком вещей, прибегайте к способам просветления, – все это и есть метод „Большой колесницы“, который ведет к умиротворению сознания и позволяет избежать любых ошибок

Чаньская традиция достаточно коротко определяет изначальную суть учения Бодхидхармы, сформулированную им в четырех базовых постулатах: непосредственно указывать на сердце человека (чжи чжи жэнь синь), взирая на собственную природу, становиться Буддой (цзянь син чэн фо), не опираться на письмена (бу ли взнь цзы), не передавать учение вовне (цзяо вай бе чжуань). Это и есть четыре основных действия – «сы син». Первый принцип учит, что не нужно никаких дополнительных методик, сложных рассуждений или теоретических построений, чтобы очистить свое сердце. В человеке уже изначально присутствует все, чтобы достичь просветления, надо лишь отбросить все сомнения и мысли, лишь замутняющие наш чистый разум. Это и есть «непосредственное указание на сердце» или сознание человека. Каким же образом достичь этого? Об этом второй принцип: «взирать на собственную природу» или практиковать особый тип медитации.

Медитирующий Бодхидхарма. Стела на центральной аллее монастыря Шаолиньсы

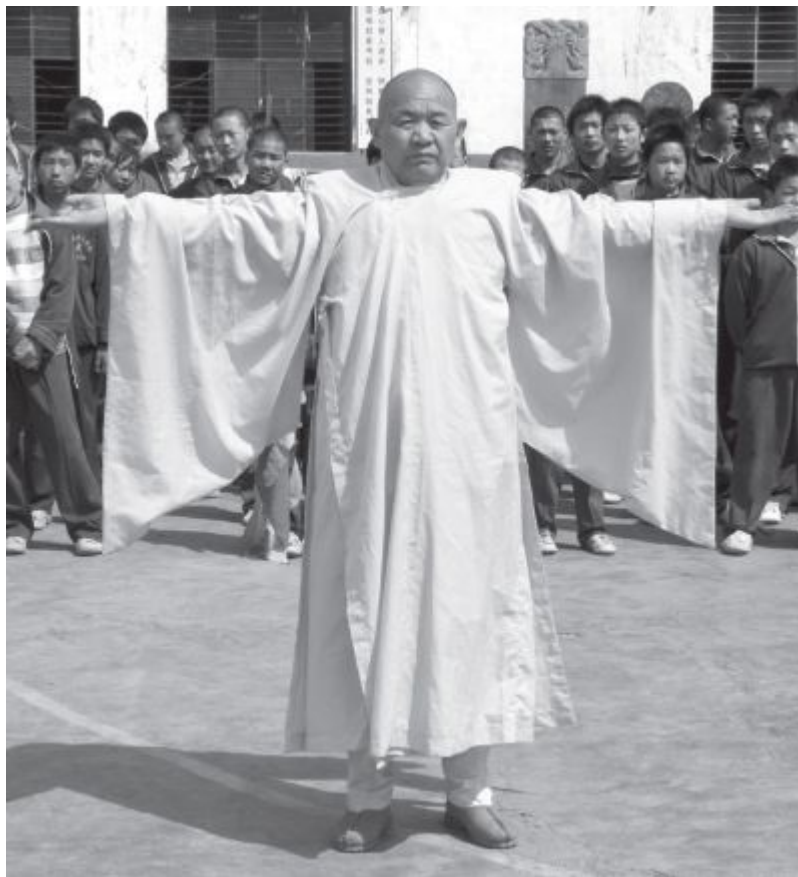
Практической основой для осуществления этих принципов является сидячая медитация, причем не любая, а именно та, которая именуется «созерцание стены» – гуаньби. Народная традиция и популярные изложения связывают это с преданием о том, как сам Бодхидхарма в течение девяти лет в неподвижности созерцал стену. На самом деле это слишком упрощенное, к тому же не совсем правильное толкование. «Созерцание стены» – это особого рода медитативная методика, суть которой связана с тем, что сердце должно уподобиться недвижимой, непоколебимой стене. Сердце или сознание человека оказывается не подверженным ни влияниям внешнего мира, ни чувствам и ощущениям, которые поднимаются изнутри – так и достигается полное очищение и умиротворение сознания. Известный чаньский наставник Цзунми писал: «Бодхидхарма наставлял людей в том, чтобы через созерцание стены умиротворять сердце. И тогда снаружи прекращаются все причинно-следственные связи, внутри же сердцу не за что зацепиться. И когда сердце становится подобно глухой стене, можно вступить на Путь. Так разве не в этом заключается истинный путь сидячей медитации?» [26, цз. 2].

Улыбка через века

В XII–XIV вв. у Бодхидхармы в Китае находится множество подражателей, среди чаньских монахов считалось особой «модой» ходить в одеждах, наподобие тех, что изображались на канонических портретах Бодхидхармы, носить в руках тяжелый посох и даже одну сандалию в руках. От эпохи к эпохе культ Бодхидхармы становился все значительнее, правители воздвигали ему памятные стелы, приказывали закладывать храмы и переписывать книги, которые содержали его наставления.

Приблизительно к XII–XIII вв. на уровне устной традиции закрепились легенды, что именно Бодхидхарма принес в монастырь Шаолиньсы знание практики боевых искусств, а также особых тайных методик развития внутренней энергии – «Ицзиньцзин» («Канон изменения в мышцах») и «Сисуйцзин» («Канон омоложения спинного мозга»). Последний трактат был утрачен, все более поздние его версии оказывались подделками. А вот традиция «Ицзиньцзина» передавалась монахами Шаолиньсы из поколения в поколение в виде тайного посвящения. По сути, она включает два вида практики: чаньскую медитацию и 12 гимнастических дыхательных упражнений на развитие внутренней энергии. Вид упражнений тайным не считался и даже был опубликован в трактатах XVII в., а вот сами разъяснения о том, как надо их выполнять, на чем концентрировать внимание, как очищать сознание во многом до сих пор составляют тайну.

Скорее всего в действительности «Канон изменения в мышцах» был написан в 1624 г. монахом Цзынином с гор Утайшань, причем монахом даосским, а не буддийским. Хотя текст, как видим, был составлен в 1620-х гг., самая старая копия этого трактата, дошедшая до нас, относится к 1827 г. Чтобы подчеркнуть его древность, к нему были дописаны два предисловия – генерала Ли Цина династии Тан (VII–VIII вв.) и знаменитого воина и генерала Ню Гао династии Северная Сун (XII в.). Именно в XVIII–XIX вв. он пришел в монастырь Шаолиньсы и начал там связываться с неким «завещанием Бодхидхармы». Таким образом по этой версии Ицзиньцзин не имеет прямого отношения к Бодхидхарме. Однако сама Шаолиньская традиция предлагает другую версию: Бодхидхарма действительно оставил после себя учение, которое передавалось внутри шаолиньского братства под названием «Канон изменения в мышцах». А чтобы запрятать его еще глубже и «не передавать вовне», по Китаю была пущена другая версия этого трактата.

Чаньский наставник Ши Дэцзянь – один из современных патриархов Ицзиньцзин – выполняет упражнения, «завещанные Бодхидхармой»

Но, так или иначе, весь период позднего средневековья и нового времени Шаолинь жил под знаком символа Бодхидхармы. Многие боевые упражнения монахов до сих пор связаны с именем этого патриарха: «Бодхидхарма переправляется через море» (упражнения с мечом), «Бой с посохом Бодхидхармы» и многие другие.

Сегодня Бодхидхарма стал символом Шаолиньсы и вообще всей чаньской традиции. Увы, в том числе и коммерческим символом

Время берет свое: сегодня Бодхидхарма не только символ чань-буддизма и шаолиньской традиции, но и вполне раскрученная «торговая марка». Сегодня под этим именем в Китае продаются различные «чудодейственные отвары», лечебные средства, минеральная вода, лапша быстрого приготовления. Для того, чтобы придать особую значимость многим книгам о чаньской традиции, многие буддийские труды именуют «наставлениями Бодхидхармы», хотя Патриарх едва ли что-то сам написал, и даже устная традиция приписывает ему лишь три—четыре коротких текста.

Провинция Хэнань и особенно уезд Дэнфэн, где располагается монастырь Шаолинь, буквально переполнен символами Бодхидхармы – увы, связанными в основном с торговлей, а не с духовной практикой. Здесь можно купить «точную копию посоха Бодхидхармы», копию одежд Бодхидхармы и множество других, столь же «аутентичных» товаров. Небольшими скульптурами Бодхидхармы украшены даже крыши телефонных будок неподалеку от Шаолиньсы. На первый взгляд может показаться, что вся традиция истинного духовного знания Бодхидхармы ушла в прошлое, и сегодня осталась только профанация и коммерция, а также небольшая группа наиболее стойких последователей в монастырях. Но это лишь внешняя мишура вокруг чань-буддизма, и кажется, что первый Патриарх насмешливо смотрит на все это через пространство времени.

В провинции Хэнань изображения Бодхидхармы можно встретить везде, даже на телефонных будках

И все же знаменитый принцип «не передавать учение вовне» остается по-

прежнему основой для сохранения духовного знания и обучения последователей в чаньской традиции. А это значит, что путь Бодхидхармы как на этой земле, так и в мистическом пространстве духа продолжается и по сей день.

2

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БОДХИДХАРМЫ: ИЗ «ЗАПИСЕЙ О ПЕРЕДАЧЕ СВЕТИЛЬНИКА, СОСТАВЛЕННЫХ В ГОДЫ ЦЗИНЬДЭ»

Трактат «Записи о передаче светильника, составленные в годы Цзиньдэ», является обширным сборником самых разных чань-буддийских историй, биографий известных мастеров, проповедей и диалогов. Трактат был составлен в 1004 г. монахом Даюанем, который лишь собрал уже существующие истории. «Записи о передаче светильника» стали изложением канонической истории чань-буддизма, и трактат составлялся таким образом, чтобы «отрубить» все боковые ветви, показать, что учение Чань пошло именно от Бодхидхармы и практически не упоминает других индийских наставников учения о созерцании – «учителей Ланкаватары», которые тогда пребывали в Китае. Именно в XI в. и была сформирована классическая версия развития Чань, которая потом была принята и придворными историографами и самими буддийскими школами. Естественно, даже сегодня в ряде чаньских школ существует «тайная история», или «неофициальное изложение» (бе чуань) истории развития линии чаньских патриархов, которое несколько противоречит канонической версии. В частности, идут споры о том, кому же в действительности Бодхидхарма передал патриаршество (по классической версии, в том числе изложенной в этом трактате, его приемником стал Хуэйкэ), какова была форма обучения раннего Чань и т. д.

Традиционно весь трактат делится на десять частей – десять книг. В первых двух книгах излагаются жития «Будд прошлого» и 27 буддийских патриархов Индии. Третья книга посвящена китайским патриархам буддизма – с 28-го по 32-го, и именно в эту книгу включена биография Бодхидхармы. Остальные книги содержат изложения историй нескольких чаньских школ Китая и диалоги известных мастеров.

Трактат полностью компилятивен, он практически не содержит нового материала, но представляет собой уникальный сборник из нескольких десятков трактатов. В частности, большинство материалов о Бодхидхарме пришли сюда из трактата «Хроники из Зала патриархов» («Цзу тан цзи», 952 г.).

В трактате много искажений, особенно в разделах, касающихся ранней истории Чань, это удалось установить путем сверки трактата с более ранними версиями тех же историй, найденных, в частности, в пещерах Дуньхуана, а также с некоторыми китайскими трактатами, которые были перевезены в Корею еще до составления «Записей о передаче светильника» (например список из корейского монастыря Хайинь).

Ниже приводится отрывок из третьей части «Записей о передаче светильника», непосредственно посвященный Бодхидхарме. Это и есть каноническое описание его жизни и учения.

Перевод сделан по изданию: Цзиньдэ чуаньдэн лу (Записи о передаче

светильника, составленные в годы правления под девизом Цзиньдэ), (сост. Даюань)
Т. 51, № 2076, сс.196–467.

Жизнеописание Бодхидхармы

[1]

Бодхидхарма, 28-й Патриарх, был третьим сыном Коши – «Приносящего Благовония», правителя королевства на юге Индии. Он был родом из касты браминов, а его первоначальное имя было Бодхитара.[1] Однажды он повстречал Праджнятару, 27-го патриарха, когда тот приехал к правителю, а правитель вручил ему драгоценную жемчужину. Когда все почести были Праджнятаре оказаны в должной мере, он решил испытать духовную мудрость Бодхитары, а также его двух братьев, и узнать о скрытом призвании Бодхитары.

У правителя было три сына: Чандравималатара, Пуньяватра и Бодхитара. Решив проверить мудрость этих трех принцев, Праджнятара, держа в руках жемчужину, что подарил ему их отец, спросил:

– Есть ли что-нибудь в этом мире, что может сравниться со столь прекрасной жемчужиной?

«Небесный правитель» – один из четырех охранителей буддийской веры. Статуя в зале монастыря Шаолиньсы

– О, эта самая прекрасная жемчужина, она – лучшая из камней и ни один другой не сможет сравниться с ней, – ответили два. – И лишь благодаря вашей величайшей мудрости эта жемчужина была подарена Вам.

Вперед выступил третий принц, Бодхитара и сказал:

– Это всего лишь земной камень и вряд ли его можно назвать «величайшим», поскольку величайшая из жемчужин – это жемчужина мудрости. Да, это всего лишь земное творение, и оно не может считаться величайшим потому что не может соперничать с высшей мудростью. Она обладает прекрасной земной чистотой, но ее чистота не может быть сравнима с чистотой высшего духовного постижения. Эта жемчужина не может даже блистать без лучей света, ведь именно они заставляют ее переливаться. И если вы видите этот блеск от внешних лучей, то понимаете, что перед вами – жемчужина и знаете ее именно как жемчужину, а поэтому и считаете ее драгоценной. И если вы знаете, что она драгоценна, то вы должны и понимать, что ее ценность сама по себе ничего не значит. И если вы знаете, что это – жемчужина, вы должны понимать, что сама по себе она также ничего не значит.

Эта жемчужина – и не жемчужина вовсе, поскольку она является жемчужиной только потому, что лишь жемчужины знаний могут озарить этот мир. Ее ценность – и не ценность вовсе, поскольку лишь жемчужины знания являют собой истинную ценность.

Путь, что Вы проповедуете, – это и есть величайшая драгоценность знания, а поэтому Вам и была преподнесена эта мирская драгоценность. Эта драгоценность появилась лишь благодаря вашей мудрости. Точно таким же образом драгоценности просветления могут проявиться в тех, кто пробужден к этому.

Как только учитель Праджнятара услышал эти удивительные речи от третьего принца, он осознал, что перед ним – перерожденный мудрец и понял, что третий принц должен стать наследником его Дхармы. Но момент для этого еще не пришел, а поэтому Праджнятара ничего не сказал и удалился, оставив Бодхитару вместе со всеми.

Позже Праджнятара спросил принца:

– Что не обладает формой в мире вещей?

– То, что не рождено и является не обладающим формой, – ответил Бодхитара.

– Так на что же опираются все вещи?

– Все вещи опираются на ощущения себя и других.

– А что является высочайшим среди всех вещей?

– Изначальная природа и есть высочайшее из всех вещей и явлений!

Разговор этот эхом отозвался как в сознании учителя, так и сознании ученика. Но Праджнятара по-прежнему ждал момента, когда его будущий ученик созреет.

Вскоре после этого правитель скончался. Когда все собрались на его похоронную церемонию, Бодхитара погрузился в самадхи и просидел так семь дней. А затем он пришел к Праджнятаре и попросил посвятить его в монахи. Поняв, что настал тот момент, которого он ждал, Праджнятара согласился с его просьбой и дал посвящение принцу. Получив посвящение, Бодхитара в течение семи дней получал наставления от Праджнятары о глубинной сути Учения. В конце концов, восприняв это учение, Бодхитара и получил озарение.

Наставник Праджнятара сказал ему: «Ты многое постиг в Дхарме, а Дхарма и есть абсолютное знание. Поэтому отныне твое имя должно быть связано с Дхармой. Так пусть же ты зовешься Бодхидхармой.

Бодхидхарма в ответ спросил: «После того, как я получил Дхарму, в какие чертоги я должен направить свои шаги, дабы распространять учение Будды? Пожалуйста, укажите мне дорогу!»

«Мудрость Бодхидхармы волной накатывает на берега Китая» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Праджнятара так объяснил ему: «Хотя ты и постиг Дхарму, ты не должен пока отправляться слишком далеко, но оставайся пока здесь, на юге Индии. Ты должен подождать, пока пройдет 67 лет после моей смерти, а затем отправляйся в Китай. Там ты должен заложить великую основу для врачевания Дхармой и найти человека великих талантов. Опасайся отправляться в путь слишком рано, но и не позволяй великому свету угаснуть».

Бодхидхарма сказал: «Есть ли в той стране человек, который может стать хорошим сосудом для Дхармы? И не произойдут ли какие-нибудь великие несчастья в ближайшую тысячу лет?»

Праджнятара так ответил ему: «Бесчисленное множество людей получат

пробуждение в тех землях, где ты будешь проповедовать. Приблизительно через 60 лет после моей смерти несчастья обрушатся на Учение в этой стране. Ты же столкнешься на море, через которые ты все же сумеешь пройти.^[2] Когда ты придешь в дальнюю страну, не оставайся на юге, где людей интересует только нажива и им не понять Учения Будды-Буддхадхармы. Когда ты попадешь туда, не оставайся там слишком долго. А теперь слушай:

Путь твой будут преграждать бурные потоки,
И встретишь ты челн,
Истощенный и одинокий ты будешь пересекать
темные воды рек,
Под солнцем проявишь сострадание к двум
животным – слону и лошади,^[3]
И два побега горчичного дерева будут цвести
столетиями.

А потом добавил: «Ты встретишь человека в лесах, который испытает просветление». И вновь произнес стих:

Китай – огромен, но нет в нем других дорог для
тебя,
Найди того, кто следует по твоему пути.
Золотому петуху достаточно склевать лишь
одно золотое семя,
Чтобы поддержать всех мудрецов мира.

Затем Праджнятара произнес еще восемь стихов-гатх, где предрекал будущее учения Будды. Получив передачу и наставления, Бодхидхарма еще сорок лет следовал за Праджнятарой. После смерти Праджнятары он начал распространять это великое учение в своей стране.

^[2]

В ту пору в Индии было два учителя. Одного звали Будхасена, другого – Бодхисанта. Оба они учились искусству созерцания в школе Хинаяны (Тхеравады) – «Малой колесницы» у мастера Буддабхадры.^[4] Но однажды, повстречав Праджнятару, Будхасена покинул школу Хинаяны и присоединился к школе Махаяны – «Большой колесницы». Чуть позже Праджнятара и Будхасена стали известны как «Двое Благоухающих Врат в просветление».

А вот проповедь Бодхисанты привела к тому, что учение раскололось на шесть школ: Школу Дхарматы (Природы дхарм), Школу Дхармалакшаны (Истинной сущности дхарм), Школу праджня-самадхи (мудрости и самадхи), Школу дисциплинарных предписаний (сила) и правил поведения (виная), Школу отсутствия желаний и Школу достижения покоя. Каждая из этих школ процветала в деревнях и привлекала немало последователей, при этом данные школы придерживались различных взглядов на суть Учения.

Бодхидхарма, поняв глубинный смысл этого, сказал: «Их учитель споткнулся о след буйвола! Сколь большую ошибку совершили они, разделившись на шесть школ! И если я сейчас не исправлю эту ошибку, они так до конца дней и будут проповедовать эти неверные взгляды».

Решив показать лишь малую часть своей мудрости, Бодхидхарма пришел к

наставнику Школы Дхарматы предписаний и спросил:

– В чем заключается истинная форма всего сущего?

– Из всех форм лишь та, которая не смешивается с другими формами, и является истинно сущей, – ответил старейшина школы Сабахара.

– Так как же мы узнаем, что это и есть истинная форма? Если из всех форм лишь одна отделена от других, может ли она быть истинной формой?

– Нет ни одной постоянной формы, но если мы все формы будем считать за истинные, то как же они действительно могут являться истинными?

– А что, разве непостоянство всех форм зовется истинной формой? В этом случае что же может вообще считаться истинным внутри тебя самого?

– То, что я называю непостоянным, не может быть применимо ко всем формам

– Тогда оно не может быть применимо и к истинной форме, – возразил Бодхидхарма. – Непостоянство определяет для нас то, что иллюзорно, а то, что иллюзорно, не может быть и истинным.

– Да, то, что мы определяем как иллюзорное, не может быть истинной формой. Но именно благодаря осознанию своего незнания иллюзорности, я и могу оставаться вне изменений.

«Бодхидхарма, передающий учение» (худ. Ли Чжи, XX в.)

– Так что же может называться истинной формой, если Вы отныне пребываете вне изменений? Не пора ли и Вам начать изменения внутри себя и двигаться по пути вперед?

– Неизменность существует лишь через одновременное существование и несуществование. Учение может быть определено как истинная форма, пребывающая в изменениях! – воскликнул Сабхара.

– Значит, если ваша школа считает, что истинная форма пребывает вне изменений, то тогда и все изменения не являются истинными. Так что же мы можем назвать истинной формой, что пребывает за пределами бытия и небытия?

Внезапно осознав всю глубину этих слов, Сабхара простер свои руки к небу и воскликнул:

– Это – форма, что принадлежит этому миру, а поэтому она абсолютно пустотна. Так не является ли и мое тело точно таким же?

– Когда человек постигает истинную форму всех вещей и явлений, то он может узреть и их бесформенную сущность. Он постигает бесформенную сущность вещей и

может видеть и их истинные формы. Ведь в середине форм сама суть формы не утрачивается. Точно также как и в середине бесформенного ничего не взаимодействует с бытием. Когда ты осознаешь этот принцип, то он и будет зваться истинной формой!

Слушая диалог, вся община решила с радостью следовать всем этим принципам. А Наставник же в мгновение ока удалился.

[3]

Придя к последователям Школы Истинной сущности дхарм (которые проповедовали иллюзорность и пустотность всех вещей и даже самих дхарм), Бодхидхарма сказал им: «Вы утверждаете, что являетесь последователями учения об отсутствии форм. Как вы можете доказать это?».

Самый мудрый из общины, наставник Парадхи, сказал:

– Я позволяю моим ученикам прозреть бесформенное через пестование пустоты в своем сознании!

– Так что же конкретное Вы позволяете им увидеть, когда пестуете пустоту в своем сознании? – спросил Бодхидхарма.

– Поскольку я постиг бесформенное, я ничего не впускаю в свое сознание и ничего не изгоняю из него. Постигание этого всеотсутствия и означает, что постигать уже нечего!

– Если Вы ничего не впускаете в свое сознание и ничего не изгоняете из него, и нет того, что следовало бы постигать, то кто может утверждать, что это и есть абсолютное отсутствие всего?

– Это постигается через вхождения в глубокое созерцание, что и завещал нам Будда. Разве есть что-то более высокое, чем достижение пустотного самадхи?

– Если созерцание формы не может быть описано, но кто же может говорить о бытии и не-бытии? И к тому же, что Вы вообще называете самадхи, если Вы сами его не достигли? – поинтересовался Бодхидхарма

– Хотя я и мог бы ответить Вам, но не смогу привести никаких подтверждений этому хотя бы потому, что нет и свидетельства этим подтверждениям. И я могу рассуждать о самадхи хотя бы потому, что не пребываю в этом самадхи!

– Так почему же тот, кто не пребывает в самадхи, называет это состояние именно так? Вот Вы отказываетесь приводить подтверждения этому. Вы еще ничего не доказали. Так что же может засвидетельствовать ваше «отсутствие подтверждений»?

Услышав эти слова Бодхидхармы, Парадхи внезапно прозрел свое изначальное состояние сознания и обратился к Учителю с просьбой простить его заблуждения.

А Бодхидхарма произнес свое предсказание: «Уже очень скоро ты обретешь плоды своих устремлений. В эту страну явиться злой дух, но пройдет не так уж много времени прежде, чем ты победишь его».

Произнеся это, Учитель тотчас удалился.

[4]

Затем Бодхидхарма отправился в Школу Мудрости и Самадхи. Там он спросил у ее последователей:

– Вы постигаете созерцание-самадхи и мудрость-праджню. Так они едины или различны?[5]

Наставник школы Баранда сказал:

– Праджня и самадхи для нас не едины и не различны.

– Если они не едины и не различны, зачем же вы их именуете праджня-самадхи – «мудрость-созерцание»?

Этот самадхи и несамадхи! Это и мудрость и немудрость! А поэтому они не едины, но и не различны, – ответил Баранда.

– Если они не едины в своем единстве и не различны в своей двоичности, то это еще не праджня-самадхи. К какой же праджне-самадхи вы применяете это название?

– Это не одно и не два. Самадхи и мудрость-праджня позволяют понять, что это не только одно лишь самадхи или только лишь мудрость-праджня.

«Бодхидхарма переправляется через море» (худ. Ли Чжи, XX в.)

– Но Мудрость еще не есть самадхи, так как же мы можем понять, едины они или двойственны, равно как и не можем понять, что такое самадхи и что такое мудрость.

Как только Баранда услышал это, все его сомнения растаяли, словно кусочек льда под солнцем.

[5]

Бодхидхарма отправился к последователям Школы дисциплинарных правил (виная). И там спросил:

– Что такое дисциплинарные предписания (сила) и что такое правила (виная)? Это одно и то же или нет?

Наставник школы ответил так:

– Одно или два, два или одно – все эти рассуждения порождены самим человеком. Следовать учению, не привязываясь к этим рассуждениям, и зовется дисциплинарными предписаниями (сила) и правилами поведения (виная).

– Когда вы произносите «следовать учению», Вы уже привязываетесь к каким-то рассуждениям. Если Вы отрицаете и их единство и их двойственность, то как Вы можете утверждать, что «следуете учению»? Если Вы не осознаете их как изнутри, так и снаружи, то как Вы можете именовать это силой и винаей? – спросил Бодхидхарма.

– «Внутри» и «снаружи» действительно существуют и могут быть постигнуты, но то, что позволяет нам проникать в Дхарму – это сила и виная. Вот когда Вы указываете кому-то на его «непослушание», Вы одновременно правы и неправы. Но когда сам последователь говорит праведными словами, то он уже пребывает в согласии с силой и винаей.

– Если человек одновременно и прав и неправ, то как же можно утверждать, что говорит он праведным языком. Если он искушен в праведных речах, то как тогда он вообще может говорить о том, что внутри и снаружи?

Услышав эти слова, старейшина школы устыдился и полностью признал правоту Бодхидхармы.

«Взгляд Бодхидхармы» (худ. Ли Чжи, XX в.)

[6]

Придя в школу, которая проповедовала отсутствия желаний, Бодхидхарма сказал:

– Вы проповедуете отсутствие достижений. В чем польза этого? Если в этом нет никакой пользы, то само отсутствие пользы и есть польза.

Наставника этой школы прозвали Сокровищницей Чистоты. Он ответил так:

– То, что я проповедую как отсутствие желаний, не означает ни наличия, ни отсутствия таких желаний. Когда я проповедую желанием к желаниям, это означает, что само отсутствие желаний уже и есть желание.

Бодхидхарма сказал:

– Если желание еще не является желанием, то само желание чего-то уже не является желанием. Вы только что говорили об «желании к желаниям». Так о каком устремлении вы рассуждаете?

– Если я вижу устремление, для меня это не является устремлением. А то, что не является желанием и есть желание. Если я не вижу в себе никаких желаний, я называю это «желанием к отсутствию желаний».

– Если желание уже не является желанием, то достичь такого желания и означает достичь отсутствия желаний. А если в Вас нет желаний, то какое же желание вы можете получить?

Услышав это, мастер школы избавился от всех сомнений.

[7]

Придя в шестую школу – Школу достижения покоя, Бодхидхарма спросил:

– Что вы называете покоем? Кто пребывает в покое и кто умиротворен в собирании плодов Дахармы?

Наставник школы, умудренный человек, ответил:

– Сознание человека, которое не загрязнено ничем и пребывает в состоянии покоя. Тот, кто не затронут ничем, и зовется умиротворенным человеком.

– Если изначальная природа человека не пребывала бы в покое, то он уже не смог бы достичь такого покоя. Но в чем польза такого стремления к покою, если человек пребывает в этом состоянии изначально?

– Из-за того, что конечная реальность – лишь наша иллюзия, то все дхармы изначально пусты. Познание этого и именуется покоем.

– Иллюзорная реальность уже изначально пуста. Таковы же и все дхармы – они пребывают в покое и в отсутствии форм. Так что же здесь умиротворение? Что же здесь покой?

Услышав эти слова Бодхидхармы, наставник школы достиг внезапного просветления.

[8]

Итак, все шесть школ решили найти себе прибежище в учении Бодхидхармы. И постепенно его проповедь распространилась на всю южную Индию, а слава о нем пошла по всем пяти индийским областям. Ученые издалека и из соседних областей склонялись перед ним, как трава и деревья под ветром. И по прошествии 60 лет бесчисленное количество людей обрели освобождение от пут незнания.

Но однажды правитель отвернулся от трех драгоценностей буддизма (Будды, Дхармы и общины-Сангхи) и стал разрушать их. Он заявил: «Наши предки следовали пути Будды. Поддавшись этим вредным взглядам, они так и не обрели долголетия, наоборот, они лишь еще стремительнее приблизились к своему концу. Более того, если наши тела действительно изначально способны к просветлению, то зачем стоило нам прилагать столько усилий к достижению этого просветления. А вся вера в воздаяние за добрые или злые деяния зиждется лишь на рассказах каких-то мошенников».

Все старые монахи по всей стране были распушены, включая и тех, которые до этого высоко ценились самим правителем. Увидев эту ситуацию, Бодхидхарма понял, сколь губительно все это может быть, и обеспокоился поиском тех, кто мог бы помочь. Ему вспомнились два учителя из Школы Бесформенного: Парадхи и Будхасена. В то время на Парадхи обрушилось множество гонений со стороны правителя и он даже должен был предстать перед его судом. А вот Будхасена раньше не имел никаких отношений с правителем, хотя и отличался известным красноречием.

Последователи всех шести школ сказали: «На Учение Будды – Дхарму обрушились несчастья. Так почему же наставник разделяет нас?»

И хотя Наставник Бодхидхарма в это время находился вдалеке, он сразу почувствовал призыв всей монашеской общины и ответил на это буквально одним

щелчком пальцев. Узнав об этом, все шесть общин заявили: «Это эхо того сигнала, который посылает нам наш Учитель Бодхидхарма. Мы должны отправиться к нему немедленно, ответив на его благовейный призыв».

Прекратив спорить, они пришли к Наставнику. Поклонившись, они все встали перед ним, молитвенно сложив ладони перед грудью. Наставник сказал:

– Сейчас на Небесах подвешен листок. Кто может сбить его вниз?

Ему ответил Будхасена:

– Я не колеблясь сделаю это, но являюсь ли я тем избранным?

– Да, сколь одарен бы ты ни был, – ответил Бодхидхарма, – ты еще не достиг совершенства для осуществления этой цели.

– Вы, мой наставник, наверное, беспокоитесь, что я, увидев правителя, разверну слишком активную буддийскую проповедь, прославлюсь этим и достигну больших успехов на этом славном пути, затмив тем самым самого правителя. Хотя он благословен своим царским происхождением и мудростью, я всё же монах, который получил послание Будды. Почему же мне нельзя бросить ему вызов?

В конце концов, после этого спора, он тайно пошел к правителю и ярко проповедовал перед ним Дхарму, говорил о низостях и радостях этого мира, о добре и зле людей и небесных созданий и о многом другом. Хотя правитель то соглашался с одними утверждениями, то отрицал другие, все же в конце концов он так и не воспринял правильности Учения.

И вот, наконец, правитель спросил:

– Где же та Дхарма, что ты познал?

– Это подобно тому, как правление Вашего Величества должно быть в соответствии с Путем-Дао. Где же тот Путь, в соответствии с которым Вы и должны править?

– Путь – в том, чтобы избегать несправедливых законов. Но кому же ты намереваешься подчиняться со своей Дхармой? – спросил правитель.

В этот момент, находясь на очень большом расстоянии от Будхасена, Бодхидхарма почувствовал, как тот утратил суть Учения. Он сказал Парадхи: «Не послушавшись моего совета, он попытался обратить в буддийскую веру правителя. А сейчас он сам пребывает в сомнениях. Поспешим к нему на помощь!»

Парадхи согласился с этим наставлением учителя и с уважением произнес: «Прошу, позвольте мне получить от Вас Вашу невероятную мудрость!». Лишь только он произнес это, облако подхватило его и принесло прямо пред очи правителя. В тишине он приземлился как раз в тот момент, когда правитель задавал Будхасене очередной вопрос.

Лишь только правитель увидел, как Парадхи спускается к нему на облаке, он тотчас забыл обо всех своих речах и спросил: «Ты, наездник на облаках, являешься ли добрым человеком или злым духом?»

«Дамо переправляется через Янцзы на бамбуковом стебле» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Парадхи ответил:

– Я сам не добр и не зол, но пришел для того, чтобы исправить недоброго. Если сознание правителя праведно, то и оно будет свободно и от добра, и от зла.

Правитель был искренне удивлен таким ответом, но его гордыня не позволила ему последовать этому наставлению, и он приказал прогнать Будхасену.

Парадхи же сказал:

– Ваше Величество посвятило себя Дхарме, так почему же вы прогнали монаха? Хотя я всего лишь – скопище заблуждений, прошу, задайте вопросы мне.

Разгневанный правитель спросил:

– Что такое Будда?

– Прозреть свою собственную природу – и есть Будда, – незамедлительно ответил Парадхи.

– А ты свою уже прозрел?

– Да, прозрел!

– Так где же твоя изначальная природа?

– Моя природа в моих деяниях!

– Так в каких же деяниях она заключается прямо сейчас? Я не вижу ни одного!

– Эти деяния я осуществляю прямо сейчас, но правитель не может их видеть!

– А я также совершаю эти деяния? – спросил правитель.

– Если бы правитель воистину совершал бы деяния, то не было бы ничего несправедливого вокруг. А если правитель не совершает деяния, то он не сможет увидеть даже собственное тело.

– Так когда я совершаю деяния, где же их проявления?

– Существует восьмеричный путь буддизма, в котором и заключены все эти проявления.

– Ну-ка, расскажи мне, в чем заключается этот восьмеричный путь? – заинтересовался правитель.

И тогда Парадхи в ответ на это произнес стих-гатху:

Когда оно пребывает во чреве, это зовется плодом.

В мире это зовется людским существом.

По отношению к глазу это именуется зрением.

Когда говорим об ушах, именуем это слухом.

Когда говорим о носе, называем это обонянием.

Когда говорим о рте, именуем это речью.

Когда говорим о руках, рассуждаем об умении удерживать вещи.

Когда говорим о ногах – это способность перемещать тело.

Когда оно проявляется во всей своей полноте, оно закрывает собой всю Вселенную.

Когда оно уменьшается, оно подобно мельчайшей пылинке.

Тот, кто понял это, познал и природу Будды.

Тот, кто не понял этого, зовет духами.

Как только правитель дослушал последние строки, он тотчас получил просветление и горько сожалел о своем поведении. В следующие девять дней он неустанно с восхода до заката расспрашивал о сущности Дхармы.

Изгнанный Будхасена поднялся в высокие горы и сказал сам себе: «Мне уже почти сто лет. Из них 80 лет я следовал за ложным учителем и лишь 20 последних лет пребывал в убежище истинного Пути Будды. Хотя я мог быть по своей природе глуп и недалек, в своих поступках я все же сумел избежать больших ошибок. И даже в этом случае я так и не смог предотвратить несчастья. Было бы лучше для меня умереть, чем оставаться в живых!»

Произнеся это, он бросился вниз со скалы, но Небесный дух подхватил его и осторожно опустил на вершину горы. Будхасена воскликнул: «Я гордился тем, что был монахом, наставником истинной Дхармы, но я так и не смог отвратить правителя от дурных поступков. Поэтому я и принес свое тело в жертву. В чем же смысл того, что ты спасаешь меня? Прошу скажи мне что-нибудь, чтобы я мог носить это внутри себя до скончания своих дней».

И тогда Небесный дух произнес:

Когда Вы, Учитель, достигли столетнего
возраста,
Лишь тогда Вы поняли, что 80 лет шли по
ложному пути.
Как только Вы захотели бросить вызов Его
Величеству,
Вы пошли по пути унижения других.
Обладая не столь уж большой мудростью,
Вы превозносили себя и не уважали других,
Не делали различий между мудрыми людьми и
простыми мирянами, что встречали на своем
пути.
Вы так и не постигли самую суть уважения.
Заслуги, что накапливались в Вас в течение
последних двадцати лет,
Так и не умиротворили Ваше сознание.
И именно от отсутствия милосердия и уважения
к другим,
Вы и пришли к такому состоянию.
Тот, кто так и не сможет добиться уважения
правителей,
Обязательно придет к таким результатам.
Отныне если не будете сидеть сложа руки.
И вскоре Вы достигните глубочайшей мудрости,
В такой момент все мудрецы должны быть
преисполнены сострадания,
Как и делал «Воистину пришедший» – Татхагата
(то есть сам Будда).

Услышав это, Будхасена прямо здесь же, посреди острых скал, углубился в медитацию.

«Бодхидхарма перед стелой деяний Бодхисаттвы Гуаньинь» (худ. Ли Чжи, XX в.)

А в это время правитель, пока так и не избавившись от своих неверных взглядов, вопрошал Парадхи:

– Кто же обучил тебя такой мудрости и красноречию?

– Я получил посвящение от одного бродячего монаха, наставника Трипитаки, Мастера Усабы из монастыря Сала. Но обучал меня Бодхидхарма, который приходится дядей Вашему Величеству

Услышав имя наставника, правитель был явно растроган и сказал:

– Забыв о своем собственном дяде, я, который был столь любезно одарен Небесами и имел счастье унаследовать трон, последовал дурным поступкам вместо того, чтобы придерживаться истинного учения.

Он тотчас приказал своим слугам пригласить наставника с особыми почестями

прибыть в его дворец. Наставник Бодхидхарма прибыл в сопровождении слуг правителя для того, чтобы принять покаяние правителя во всех его предшествующих ошибках. Услышав наставления Учителя, правитель не смог удержаться от слез, извинился перед Бодхидхармой и выдал особый документ Будхасене, разрешавший ему вернуться на родину.

Слуги же сообщили правителю: «Будхасена уже умер. После того, как Вы изгнали его, он бросился на скалы и разбился».

Правитель обратился к Бодхидхарме:

– Могу ли я быть прощен за все те преступления, которые привели к смерти Будхасены?.

– Будхасена жив, – успокоил его Бодхидхарма. – Сейчас он сидит посреди скал в глубокой медитации, но вскоре вернется в столицу, и Вы сможете отправить к нему своего личного посланника поприветствовать его.

Правитель тотчас отправил посланника в горы, и тот действительно убедился, что Будхасена, невредимый, сидит на камнях в созерцании. Услышав о приглашении, Будхасена сказал:

– Я смущен, узнав о столь высочайшей милости от Его Величества. Но я хотел бы пребывать пока среди этих скал и водных потоков. Более того, там, в столице, мудрых и достойных людей столь же много, как и деревьев в лесу. Среди них – Бодхидхарма, дядя самого правителя, наставник всех шести школ буддизма, и Парадхи – «драконий слон» (то есть абсолютный духовный лидер) всей монашеской общины. Я прошу Его Величество дать возможность этим двум учителям принести пользу всему государству.

Перед тем как посланник правителя принес своему господину эту весть, Бодхидхарма спросил правителя:

– Знаете ли Вы, Ваше Величество, вернется ли Учитель Духовного могущества?

– Нам пока ничего не известно об этом, – ответил правитель.

– Он не придет по первому зову. Но когда Вы пригласите его снова, он обязательно придет.

А вскоре прибыл посланник и подтвердил все то, о чем говорил Бодхидхарма. После этого Бодхидхарма покинул правителя, сказав: «Теперь я должен идти. Тщательно пестуйте свою добродетель, иначе вскоре можете заболеть».

А по прошествии семи дней, правитель действительно занемог, и его лекари не могли ничего сделать, чтобы облегчить его страдания. Родственники и подданные правителя вспомнили предсказание, сделанное Бодхидхармой, и в спешке послали человека так поведать об этом Учителю: «Правитель близок к смерти. Надеемся на Ваше милосердие как его дяди, просим Вас осмотреть его и помочь».

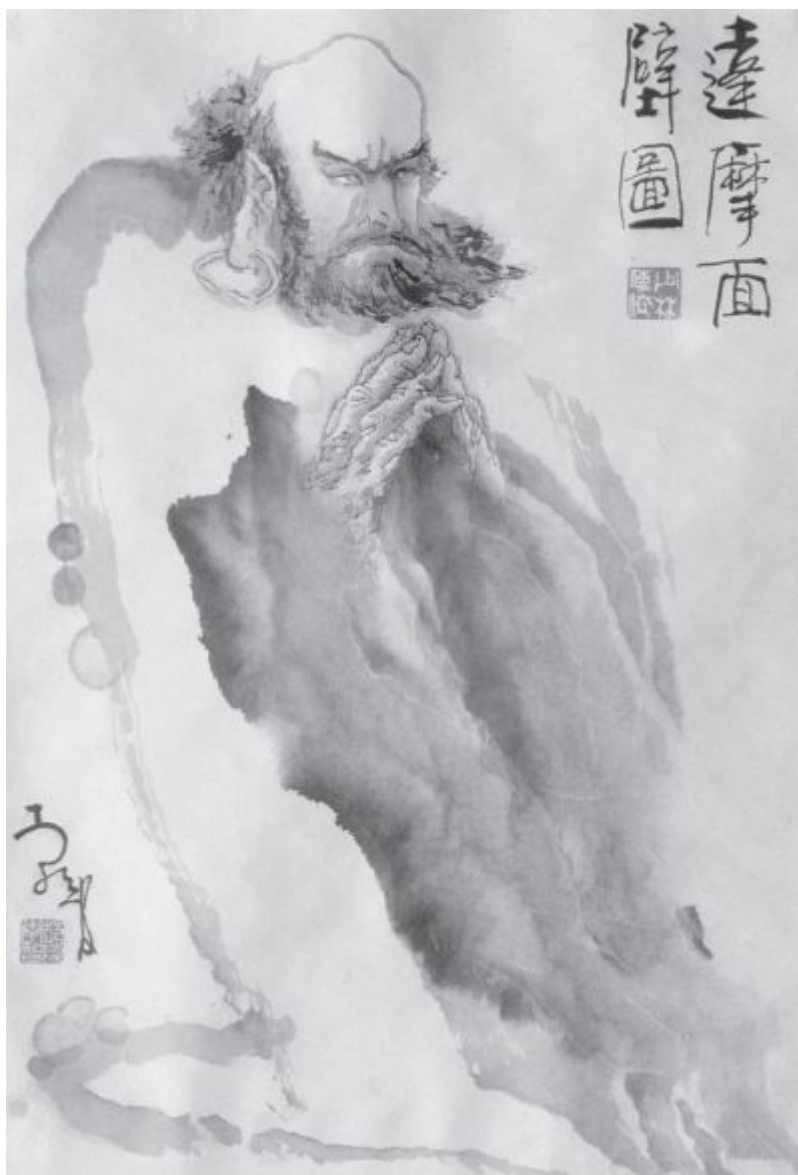
Бодхидхарма пришел вновь ко дворцу правителя осмотреть больного. В это же время, получив второе приглашение от правителя, Будхасена также прибыл ко двору. Парадхи, который с недавних пор особенно высоко почитался правителем, также

пришел сюда.

Парадхи спросил:

– Что мы можем сделать, чтобы облегчить страдания правителя?

Прежде всего Наставник сказал наследному принцу, чтобы тот простил всех преступников, раздал милостыню и оказал знаки внимания буддийской общине, – все это должно было помочь правителю. Затем Учитель повелел принцу покаяться в грехах от имени правителя, и сказать при этом: «Пускай уйдут все мои грехи!». И когда эта молитва была повторена трижды, болезнь действительно покинула правителя.

«Бодхидхарма медитирует перед стеной» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Почувствовав, что теперь ему надо отправляться в Китай, Учитель стал готовиться к отъезду. Он совершил поклонение перед ступой своего наставника, попрощался с друзьями и учениками. Затем он пришел к правителю и обратился к нему:

– Ваше Величество, стремитесь к добрым деяниям и защищайте три

драгоценности буддизма. Мне придется вскоре покинуть вас, но я вернусь через девять лет.

Едва услышав это, правитель воскликнул:

– Какое преступление совершила эта страна, что Вы покидаете ее? Какими заслугами обладает земля, куда вы направляетесь? Но в любом случае, дядя, если Вы уже решили отправляться в Китай, то мы не в силах остановить вас. Я лишь прошу об одном: не забывайте свои родные края и возвращайтесь сразу же, как только Ваша миссия будет завершена.

После чего правитель повелел приготовить корабль, загрузить его всякими ценными вещами и лично пришел на пристань проводить Бодхидхарму.

[9]

Путешествуя по морю в течение трех лет, Бодхидхарма наконец пристал к южным берегам (Китая) 21 сентября 8-го года правления Пу-туна династии Лян (527).

Наместник области Гуанчжоу Сяо Гао принял его со всеми подобающими почестями и отправил письменный доклад правителю У-ди. Как только правитель получил этот доклад, он тотчас отправил специального посланника с особым приглашением Бодхидхармы ко двору. И вот наконец 1 октября Учитель прибыл в город Цзилин (*Ныне Нанкин, бывший тогда столицей царства*).

Правитель сказал:

– С самых первых дней моего вступления на трон, я помогаю отстраивать монастыри, переписывать сутры и спасаю бесчисленное множество монахов. Велики ли мои заслуги и добродетели?

– Нет в этом ни заслуг, ни добродетелей, – ответил Бодхидхарма.

– Так почему же нет ни заслуг, ни добродетелей?

– Из этих семян вырастут лишь мелкие плоды как в мире людей, так и в мире небес, и будут они являться причинами дальнейших смертей и рождений. Они подобны теням, что неотступно следуют за вещами. Кажется, что они существуют, но на самом деле это не есть реальность.

– Так что же тогда истинные заслуги и добродетели? – воскликнул правитель.

– Чистая мудрость абсолютно целостна, а природа ее сущности не имеет форм. Поэтому суть таких заслуг и добродетелей не выразить словами.

– Так каков же первейший принцип этого Учения?

– Преодолевать себя абсолютной пустотой.

– Так кто же тогда говорит со мной?

– Я не знаю. [6]

Правитель не мог понять этих речей Наставника. Наставник же, поняв, что внутренняя природа правителя не совпадает с его помыслами, тайно покинул это место, 19-го числа того же месяца пересек местности к югу от Янцзы. 23 ноября он достиг города Лояна. Случилось это в 10-й год правления императора Сяо-мина из династии Поздняя Вэй.

[10]

Поселившись в монастыре Шаолиньсы, что в горах Суншань, Бодхидхарма проводил долгие медитации, сидя лицом к стене. Народ же спрашивал, кто он такой, и называл его «Брахманом, созерцающим стену».

В те времена в Лояне уже в течение долгого времени жил монах Шэньгуан, который немало постиг в буддизме. Он прочитал множество книг, которые рассказывали о Великих принципах буддизма. Однажды он сказал себе: «Учения Конфуция и Лао-цзы не говорят ни о чем другом, как о ритуалах и правилах, тексты Чжуан-цзы и „И цзина“ („Канона перемен“) все же не раскрывают глубочайшего смысла Учения. Я недавно услышал о наставнике, который поселился в Шаолиньсы. Благодаря такому человеку, который находится столь близко, я должен достичь глубочайшего понимания».

Затем он отправился к Бодхидхарме в надежде, что тот будет наставлять его с утра до вечера. Учитель же не только не дал ему никаких наставлений, но продолжал недвижимо сидеть в созерцании лицом к стене.

Шэньгуан подумал про себя: «Мудрецы древности так стремились к постижению Пути, что разбивали кости, дабы извлечь мозг, разрезали себе вены, чтобы напоить диких животных, разбрасывали волосы, и покрывали ими раскисшую дорогу, чтобы дать пройти по ней духовным наставникам, или бросались со скалы, чтобы накормить голодных тигров. Да, люди древности во все времена вели себя именно так. Да кто же я такой?»

9 декабря того же года пошел сильный снег. Шэньгуан же продолжал стоять перед обителью Бодхидхармы, даже не шелохнувшись. На рассвете снега выпало уже так много, что сугробы доходили Шэньгуану до колен.

Бодхидхарма, наконец, проникшись жалостью к нему, спросил:

– Чего ты хочешь получить, стоя в снегу столь долго?

Шэньгуан разрыдался и, заливаясь слезами, обратился к Наставнику:

– Прошу Вас, Учитель, о великом сострадании. Откройте врата чудесного нектара. Дайте мне то послание, которое может освободить все живые существа!

– Высший, ни с чем не сравнимый, священный Путь Будды может быть воспринят только после многих эпох стремления к тому, и для этого нужно совершить невозможное и вынести невыносимое. Как же может человек невысоких добродетелей, убогой мудрости, жалких устремлений, с медленным умом постичь Истину Колесницы? Стремиться к этому означало бы просто потерять время!

«Птицы свили гнездо на плече у Бодхидхармы» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Услышав это от Наставника, Шэньгуан тайно взял нож и отрубил себе левую руку, а затем положил ее перед Наставником.

Поняв, что он может стать хорошим сосудом Дхармы, Бодхидхарма сказал:

– Все Будды в поисках истинного Пути начинали с того, что забывали о собственном теле ради постижения Дхармы. Теперь же и ты отрубил себе руку прямо перед моими глазами. Ну что ж, у тебя правильное отношение!

После этого Наставник дал ему имя Хуэйкэ – «Знающий и способный».

Хуэйкэ спросил:

– Могу ли я услышать о печати Дхармы Будды?

– Печать Дхармы Будды – это не то, о чем может быть услышано от других.

– Мое сознание пока еще не пребывает в покое. Прошу, умиротворите его, Учитель.

– Ну-ка, принеси мне его, и я тут же успокою его!

– Я так долго стремился к этому, но сейчас понимаю, что достичь этого невозможно.

– А вот теперь твое сознание наконец упокоилось!

Несколько позже император Сяо-мин прослышал о чудесных заслугах Наставника. Он отправил к нему посланца с императорским приглашением во дворец. Трижды посланец приходил с приглашением, но Наставник все так и не спускался с гор. Глубочайшее уважение императора к Наставнику возрастало все больше и больше, и в качестве даров он отправил ему две льняных рясы, золотую чашу-патру, шелковую накидку и множество других вещей. Трижды Учитель отказывался принимать эти дары, что лишь подтверждало уверенность императора, что он имеет дело с величайшим учителем. В конце концов, Наставник принял их. С этого момента уважение к нему, как со стороны монахов, так и со стороны мирян, стало возрастать все больше и больше.

По прошествии девяти лет Наставник решил отправиться в обратный путь в западной части Индии. Он собрал своих учеников и сказал: «Время пришло! Продемонстрируйте мне свое понимание».

Один из его учеников, Даофу, сказал: «Я считаю, что мы не должны опираться на письмена, но и не отрицать письменную традицию, – в этом и есть естественность Пути».

Бодхидхарма сказал: «У тебя моя кожа».

Монашенка Цзунчи сказала: «Я считаю, что это подобно той радости, которую испытал Ананда, достигнув чертогов Будды Акшобхая – это можно узреть, только пребывая единстве, а не в двойственности».

Бодхидхарма сказал: «У тебя моя плоть».

Даоюй сказал: «Четыре великие первостихии изначально пусты, а пять скандх не существуют вовсе. Поэтому и нельзя быть ни к чему привязанным».

Бодхидхарма сказал: «У тебя мои кости».

Наконец вперед выступил Хэуйкэ, низко поклонился и вернулся на свое место.

– В тебе – моя суть (досл. «спинной мозг»), – произнес Бодхидхарма.

Затем, посмотрев внимательно на Хэуйкэ, Наставник сказал ему

– В давние времена Будда Татхагата передал Махакашьяпе истинный взор Дхармы. Через множество патриархов, эта традиция дошла и до меня. Теперь я передаю ее тебе, и ты должен хорошенько заботиться о ней. Я также передаю тебе мою желтую рясу, которая должна удостоверить веру в Дхарму. Все здесь имеет свое значение – ты должен знать об этом.

– Объясните мне значение всего этого! – воскликнул Хуэйкэ.

– Неся на себе печать Дхармы, ты всегда будешь изнутри себя пребывать в согласии со своим сознанием. А нося желтую рясу, ты снаружи будешь о веществе твоя духовное послание. Через несколько поколений, когда люди перестанут верить друг другу и поднимутся один на другого, кто-нибудь спросит: «Он был человеком из Индии, а ты – сын этой земли (то есть Китая) – так как же Дхарма могла быть передана тебе? Где доказательство этому?». И то, что ты сегодня получил рясу и Дхарму, должно быть представлено как доказательство всему этому, и дальнейшая передача традиции будет свободна от всяческих преград.

«Первый Патриарх Бодхидхарма» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Через двести лет придет время прекратить передачу рясы. Тогда Дхарма уже распространится по всему миру. Но хотя множество людей будет знать о Пути-Дао, лишь немногие будут следовать ему. Многие будут проповедовать Учение, но очень мало будет тех, кто проникнет в глубь него. Больше чем тысячи, больше, чем десятки тысяч людей будут сходиться в глубочайшем учении и нести в себе личное откровение. Когда ты станешь распространять истину, не пренебрегай людьми, которые пока еще не достигли просветления. Если изначальная природа таких людей внезапно изменится, это будет равносильно истинному просветлению. Послушай мою гатху:

Я пришел в эти земли,
Чтобы спасти людей, передавая им Дхарму.
Один цветок раскроется пятью лепестками,
А за этим появятся и плоды.

Затем Наставник сказал:

– Я принес с собой четыре свитка «Ланкаватары-сутры», которую я тоже передаю тебе. Она содержит суть духовного учения Татхагаты и позволяет всем живым существам достичь просветления. С того момента, как я пришел сюда, меня пытались отравить уже пять раз, и каждый раз я извлекал яд, дабы изучить его. Как-то я положил его на камень, и даже камень раскололся. Я решил отправиться из Южной Индии в эти западные земли, потому что у меня было видение, будто учение Махаяны может воплотиться в местности Шэнь области Цичжоу. Я пересек соленое море и засушливую пустыню лишь в одном стремлении найти человека ради передачи Дхармы. Во время своих поисков я встречал людей, которые были подобны надутым глупцам, но теперь же я нашел тебя и передал тебе это Учение.

[11]

В других записях говорится, что Наставник сначала жил в Шаолиньсе в течение девяти лет. Он так обучал Хуэйкэ: «Прежде всего отбрось все свои заботы о делах внешнего мира, затем прекрати волноваться и о мире внутреннем. Вступая на Путь, уподобь свой разум стене».

Хотя в ту пору Хуэйкэ был уже посвящен во многие учения о сердце, сам он пока еще не мог целиком следовать Дао. Наставник же указывал лишь на его ошибки и не объяснял суть учения об «отсутствии сердца».

Хуэйкэ однажды сказал:

– Я уже прекратил все связи с мириадами вещей.

– Разве ты уже окончательно умер? – спросил Бодхидхарма.

– Нет, конечно, я не умер окончательно.

– А как ты можешь доказать, что ты не умер окончательно?

– Я осознаю это абсолютно четко, ясно и постоянно. Но выразить это словами невозможно.

– Вот это и есть суть Учения о сердце, что передавалось нам от Будды. В этом нет никаких сомнений!

[12]

После этого разговора, Наставник Бодхидхарма вместе со своими учениками пришел в монастырь Цяньшэн, что в Юймэне, и остановился там на три дня.

Ян Сюань, градоначальник города Цичэна с самых первых дней вступления на должность был большим поклонником буддизма. Он спросил:

– Как можно в пяти областях Индии стать патриархом по благословию наставника?

– Тот, кто понимает учения Буддийской школы Сердца, и тот, кто совершает поступки в соответствии с этим учением, и будет являться патриархом.

– Есть еще что-нибудь помимо этого? – вновь спросил градоначальник.

– Он должен постичь свое собственное сознание, а также знать о прошлом и о будущем. Он не должен обращать внимания на то, является он кем-то или нет. Он не должен быть привязан ни к каким дхармам. Он не должен являться ни мудрецом, ни глупцом, ни заблуждающимся, ни просветленным. Тот, кто понимает все это, достоин быть патриархом.

– Хотя я являюсь последователем трех буддийских драгоценностей уже в течение многих лет, мудрость моя покрыта облаками, и даже находясь перед истиной, я пребываю в сомнениях. И вместо того, чтобы воспользоваться случаем и прислушиваться к Вашим наставлениям, Наставник, я даже не знаю, что делать. Прошу Вас, передайте мне Ваше Учение!

Увидев всю искренность и вежливость градоначальника, Бодхидхарма произнес такую гатху:

Он не будет ненавидеть зло, даже если увидит
его.
Он не окажется привязан к добру, даже если
увидит его.
Он не отринет мудрецов и не воспримет
глупцов,
Он не будет стремиться избавиться от
заблуждений, равно как и не будет стремиться к
просветлению.
Достигнув Великого Пути, он истощит его.
Проникнув в Сознание Будды, он превзойдет
его.
Он не идет по пути ни обычных людей, ни
мудрецов.
Превосходя это все, он и зовется Патриархом.

Услышав эту гатху, градоначальник, проникнувшись ее смыслом, сказал:

«Бодхидхарма под осенней луной» (худ. Ли Чжи, XX в.)

– Прошу Вас, Наставник, оставайтесь в этом мире и ведите за собой другие живые существа!

– Я должен буду вскоре уйти, – ответил Бодхидхарма, – более здесь я уже не могу оставаться. Поскольку природа людей имеет множество проявлений, я столкнулся здесь со многими несчастьями.

– Кто покушался на Вас? – спросил Ян Сюань. – Я тотчас изгоню его ради Вас, Наставник!

– То, что я несу в себе тайное послание Будды, сподвигло многих заблуждающихся на то, чтобы нанести вред мне. Но было бы крайне неразумным рассчитывать обезопасить себя, нанося вред другим.

– Но, Наставник, если Вы не расскажете мне об этом, как же я смогу совладать с такой ситуацией в случае необходимости?

Тогда Бодхидхарма решил просветить его и произнес:

Лодка на воде срезает пену с волн,
Паяльная лампа режет металлические прутья.
Практикуй это в течение пяти месяцев,
Не пренебрегая ничем.

Ян Сюань не смог сразу же постичь глубочайший смысл этой гатхи, а поэтому просто запомнил ее в точности. Низко поклонившись Бодхидхарме, он удалился. Вся глубина предсказаний Наставника не была понята в те дни, но все последующие события доказали его правоту.

[13]

Правители династии Вэй были большими приверженцами буддизма, а поэтому число людей, посвящавших себя медитации, было подобно деревьям в лесу.

Наставник монашеских правил винаи Гуантун и наставник текстов Трипитаки Бодручи[7] считались редчайшими из таких людей. Они видели, что Наставник Бодхидхарма проповедует Путь, не обращая внимания на физическое тело и непосредственно пестуя свое духовное начало. Однажды они затеяли спор с Наставником, да так распалились, что начали драку. Наставник же пролил на них дождь чистой мудрости Дхармы, что должно было оказать влияние даже на варваров, но и после этого его противники не были готовы распространять истинную Дхарму. Более того, несколько раз они обсуждали темные замыслы отравить Наставника.

Поскольку его миссия уже подходила к концу и он уже передал Дхарму своему последователю, Наставник даже не пытался уберечь себя от шестой попытки отравления. Приняв медитативную позу, он отошел 5 октября 19-го года правления Сяо-мина из династии Поздняя Вэй (536?). Тело его было кремировано на горе Сюнэршань 28 декабря того же года, а в честь него была воздвигнута пагода в монастыре Динлинъсы.

Три года спустя монах Сунъюнь был послан с инспекционной поездкой в соседние западные районы. И вот в Гималаях он встретил Наставника. Он брел один, ежился от холода, а в руках нес одну сандалию. Сунъюнь спросил:

– Учитель, куда идете Вы?

– Иду к Западному Небу (*то есть в Индию*), – ответил Бодхидхарма, а затем добавил. – Твой правитель отринул этот мир.

Сунъюнь даже не удивился, услышав это.

После того, как он выполнил все поручения и вернулся на восток, чтобы отчитаться о проделанном, он узнал, что правитель Сяо-мин недавно покинул этот мир, а поэтому подробный отчет был послан на имя уже нового правителя Сяо-чуаня. Император немедленно приказал вскрыть погребение Бодхидхармы, а когда это было сделано, взору всех открылся пустой гроб с одной кожаной сандалией внутри. Весь двор правителя был поражен этим, сандалию же доставили в монастырь Шаолиньсы в качестве объекта поклонения. В 15-й год Кайюань династии Тан (727) сандалия была украдена одним из последователей и хранилась в монастыре Хуаяньсы на горах Утайшань. Сегодня же место ее пребывания не известно.

Император У-ди из династии Лян был одним из первых, кто принял Наставника, хотя тогда его отношения с ним и не были в гармонии. Тем не менее, правитель решил составить надпись для памятной стелы, узнав, что Наставник отправляется в царство Вэй, однако в тот момент у него не нашлось времени на это. Услышав что произошло с Суньюнем, он все же написал памятную надпись.

«Изображение Бодхидхармы, что отпечаталось на стене пещеры» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Император Тай-цзун (763–779) пожаловал Наставника посмертным титулом «Полностью Просветленный Учитель» и назвал в его честь пагоду «Пустотного созерцания».

С того момента, как было объявлено о смерти Наставника (536–?), до первого года правления под девизом Цзиньдэ династии Сун (1004 г. – время составления этого текста) прошло уже 467 лет.

НАСТАВЛЕНИЯ ПЕРВОГО ПАТРИАРХА

Эта часть состоит из двух классических текстов, авторство которых приписывается легендарному Первопатриарху учения Чань, индийскому проповеднику Бодхидхарме (VI в.). Данные тексты достаточно полным образом отражают две базовые концепции раннего Чань. Первая, «о двух проникновениях и четырех типах деяний», касается духовной практики, вторая – «отсутствия сердца» или «не-сознания» (у синь). «Отсутствие сердца» обозначает отсутствие привязанностей, вечно длящуюся метаморфозу самой жизни, где нет ничего постоянного.

«Общие рассуждения Бодхидхармы о четырех действиях, что ведут на путь “Большой колесницы”»

(«Путидамо люэбянь дачэн жудао сысин»)

От переводчика

Трактат «Общие рассуждения Бодхидхармы о четырех действиях, что ведут на путь “Большой колесницы”» («Путидамо люэбянь дачэн жудао сысин»), кратко называемый «Рассуждения Бодхидхармы» («Дамо лунь»), является ключевым произведением, относящимся к раннему периоду формирования Чань. Структура трактата явным образом распадается на собственно речения, приписываемые Бодхидхарме, и высказывания ряда более поздних чаньских наставников, состоящие в свою очередь из двух частей, или двух «корзин». Его основная часть была составлена VI в., позже к нему были дописаны апокрифические «послания Бодхидхармы», а также высказывания учителей различных чаньских школ. По сути, трактат выражает еще до-чаньскую традицию, являясь развитием тех постулатов, которые лежат в основе «Ланкаватара-сутре». Этот текст является аутентичным произведением, описывающим базовую для чань-буддизма концепцию «двух проникновений» и «четырех типов деяний». Впервые трактат упоминается в «Записях об учителях и учениках Ланкаватары» («Лэнцзя шицзы цзи», 720 г.): «Ученик Таньлинь, передав слова учителя, составил трактат в один цзюань, включающий 12–13 страниц, и называл его “Рассуждения Бодхидхармы”» [13, 1285].

Трактат «Рассуждения Бодхидхармы» приобрел необычайную популярность, многократно комментировался, дополнялся высказываниями известных чаньских патриархов, и таким образом текст в две страницы разросся до обширного трактата в несколько цзюаней (свитков). Первоначально существовали лишь сами высказывания Бодхидхармы о принципе «двух проникновений» и «четырех деяний», но затем объем трактата увеличился, были дописаны некие «послания Бодхидхармы» своим ученикам, а затем и высказывания чаньских учителей разных школ. Естественно, что наибольшей популярностью среди последователей Чань, а позже и среди аристократических кругов пользовалась именно первая часть, непосредственно приписываемая Бодхидхарме, которая отдельно стала называться «О двух проникновениях» («Эр жу»). Упоминания о данном трактате и даже некоторые цитаты из него содержатся в известном тексте «Лэнцзя шицзы цзи» («Записи об учителях и учениках [школы] Ланкаватары»), это указывает на то, что основная часть «Рассуждений Бодхидхармы» уже была завершена к VIII в.

Примечательно также, что многие пассажи в рассуждениях Бодхидхармы в трактате «О двух проникновениях», и в другом произведении – «Цзунци нлу» приписываются самому основателю Шаолиньского монастыря шраману Буддасанте (кит. Фото) [28, 942–944с].

Ряд японских исследователей высказывал мысль о том, что по своей сути «Рассуждения Бодхидхармы» отражают либо индийскую традицию Мадхьямики (или Праджняпарамиты), либо школы Йогачара. По существу это верно, поскольку даже китайские предания гласят о том, что первая проповедь Бодхидхармы базировалась на традиции «Ланкаватара-сутры», принадлежащей к школе Йогачаре и уделявшей пристальное внимание именно медитативной практике, а не молитве или чтению сутр.

«Бодхидхарма медитирует при свете луны» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Вероятно, «Дамо лунь» представляет собой компиляцию, специально составленную в качестве особого учебника для последователей чаньских школ Цаодун и Линьцзи из более ранних текстов и преданий. Поскольку целый ряд высказываний, которые мы читаем в «Дамо лунь», нигде более не встречаются, можно сделать вывод: все это представляет собой оригинальный текст, что, естественно, не исключает того, что еще до письменной фиксации они существовали в виде устного чаньского предания. Предположительно, трактат принадлежит к традиции школы Дуншань, то есть руководимой четвертым Патриархом Даосинем (580–651) и пятым Патриархом Хунжэнем (601–674). Трактат был привезен в Корею,

где стал известен под названием «Трактат о четырех формах действий Бодхидхармы». Он приобрел такую популярность, что даже был переведен на тибетский язык, в частности цитаты из высказываний Бодхидхармы (или Дхармотары) встречаются по крайней мере в двух текстах школы Рдзогчэн.

Первым трактат обнаружил японский ученый Ябуки Кэйки в 1916 г., однако впервые на данный трактат, найденный в библиотеке Дунхуана, обратил научное внимание Д. Судзуки. Позже его копия была обнаружена в Британском музее в коллекции известного исследователя Средней Азии и северо-западных районов Китая Ауреля Стэйна (1862–1943) (№ 2715) [52, 36].

Часть трактата, касающаяся высказываний самого Бодхидхармы, состоит из учения о «двух проникновениях» – ключевой концепции Чань – и двух писем, представляющих собой послания Первопатриарха к ученикам. Особый интерес для понимания раннего учения чаньских последователей представляет учение о «двух проникновениях». Именно эта часть трактата и приведена здесь. Перевод выполнен по японскому списку текста, изданному Янагидой Сэйдзаном, который считается наиболее точным и полно комментированным.

Предисловие Таньлиня^[8]

Учитель Дхармы (фа ши) был человеком из западных земель, ибо происходил он из Южной Индии и был третьим сыном великого индийского правителя. Обладал он светлым умом, от которого ничего не могло ускользнуть. Решив сохранить [учение] «Большой колесницы» (Махаяны), он сменил белые одежды [мирян] на черное платье монаха. Он собирал духовные семена и приумножал их. Погрузив свое сердце в сокровенную задумчивость, в пустоту и покой, он [тем не менее] проникал своим взором и в дела мирские. Он толковал и буддийские и небуддийские [учения],^[9] а благодатью же своей превосходил нравы мирские.

Будучи удручен упадком истинного учения в соседних государствах, сумел он пересечь дальние горы и моря, придя с проповедью в [государства] Хань и Вэй. И все мужья, что забыли об [учении] сердца, не могли не обратиться в веру, но стал он мишенью для клеветы. В ту пору лишь два шрамана – Даоюй и Хуэйкэ,^[10] несмотря на ранний возраст, сумели доказать свою искреннюю решимость [следовать учению Первопатриарха]. На их долю выпала удача повстречать Наставника Дхармы, и они следовали [Бодхидхарме] в течение многих лет. Они с трепетом обратились к Учителю с просьбой наставить их и полностью восприняли его учение.

[Бодхидхарма] же, в своей высочайшей искренности, так наставлял их в истинном Пути: «Умиротворите свое сознание, предавайтесь практическим делам (син), пребывайте в соответствии с [естественным] порядком вещей, прибегайте к способам просветления – все это и есть метод „Большой колесницы“, который ведет к умиротворению сознания и позволяет избежать любых ошибок».

«Умиротворение сознания» заключено в созерцании стены, «следование практическим делам» состоит из четырех типов практики. «Нахождение в соответствии с порядком вещей» позволит вам избежать клеветы и злобы. «Прибегать к способам просветления» означает избегать всех привязанностей.

Сие небольшое предисловие было навеяно мыслями, что изложены на последующих страницах.

«О двух проникновениях и четырех деяниях»

Существует множество способов проникновения в Дао, но все они сводимы к двум: проникновение через принцип (жу ли) и проникновение через поступки (жу син, то есть дела или практическую деятельность. – А. М.). Проникновение через принцип состоит в том, чтобы воплотить принцип, опираясь на Дхарму (фа).[11] Это означает глубокую веру в то, что этот принцип присущ всем живым существам, обладает истинной и неповторимой природой, которую порой скрывает пелена иллюзий и заблуждений. Если же ты отбрасываешь ошибки ради того, чтобы вернуться к истинности, предаваясь созерцанию-самадхи, то [в этот момент] исчезает различие между собственным «Я» и другими, а мирянин и монах-подвижник оказываются равными друг другу. Пребывайте в неизменности и постоянстве, преодолевая частичное знание – вот это и будет «пребывать в сокровенном согласии с истинным принципом». А поскольку более не существует пренебрежения ничем дискриминации, то все пребывает в покое и свободно от имен.[12] Именно таково «проникновение через принцип».

«У врат Сунмэнь Бодхидхарма взирает на луну» (худ. Ли Чжи, XX в.)

«Проникновение через дела» сводится к четырем типам деяний, которые включают в себя все остальные. Каковы же эти четыре типа деяний? Вот они: воздаяние [за творимые тобой] обстоятельства; пребывание в согласии с внешними обстоятельствами; отсутствие желаний; пребывание в абсолютной гармонии с Дхармой.

Что же это такое – «воздаяние за [творимые тобой] обстоятельства»? Тот, кто следует Пути, должен, столкнувшись с бедствиями, подумать о следующем: «В своем прошлом в периоды бесчисленных кальп я оставил главное в угоду мелкому. В

течение своего существования я породил много бед, зла и причинил бесконечный вред. Несчастья, что присутствуют во мне, вопреки моей изначальной чистоте, тяготеек надо мной, и это ведет к расцвету плодов, которые являются воздаяниями за старые проступки. Здесь речь не идет о наказании, что ниспосылает Небо или духи. Противопоставь всем злым деяниям доброту сердца, и тотчас исчезнут все [причины] для зла и упреков». В сутре говорится: «Не будь опечален несчастьями. Отчего же? Да потому, что ты [способен] понять их исток». Как только в тебе зародятся такие мысли, ты будешь находиться в соответствии с принципом, а твое понимание [сути] зла позволит тебе следовать Пути. Вот почему я призываю вас следовать «воздаянию за зло».

Второй тип деяний состоит в «следовании обстоятельствам». Это значит, что необходимо осознать факт того, что все живые существа лишены собственного «Я» и лишь вовлечены в цепь рождений и смертей. В равной степени принимай и несчастья, и радости, поскольку все это и формирует внешние обстоятельства (юань).^[13] И если тебе довелось достичь доброго воздаяния, например признания или славы, все это имело причину в твоём прошлом, и необходимо было лишь ждать настоящего момента, [чтобы получить это просветление]. Так стоит ли мне радоваться приходу просветления, ведь, когда все обстоятельства будут исчерпаны, оно также обратится в небытие? Обретение, равно как и потеря, вытекает из обстоятельств. И если они не оказывают воздействия на ваш разум, если он не возбужден приходом радости, то вы сумеете пребывать в глубочайшем и полном согласии с Путём. Вот почему я призываю вас упражняться в «следовании обстоятельствам».

«Единый Чань Бодхидхармы» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Третий тип деяний состоит в том, чтобы «не желать ничего». Под «желаниями» (цзюй) мы подразумеваем то, что человек в своих бесконечных заблуждениях начинает страстно стремиться к мириадам вещей. Мудрец же проникает в [окончательную] истину, которая в своем принципе противостоит [истине] условной.^[14] Он умиротворяет свой разум надежанием, не заботясь о своем теле. Будучи убежденным в пустотности всего сущего, у него нет ничего, чего бы он желал или чем бы наслаждался. Заслуги и незнание всегда следуют друг рядом с другом.^[15] Трикая (три мира), в которых мы столь долго живем, подобны дому, что объят пламенем.^[16] Все те, кто обладают телом, [обречены] на страдания – найдется ли тот, кто способен найти отдохновение от этого?^[17] Постигнув это, вы в тот же момент кладете конец всем мыслям и прекращаете стремиться к существованию. Сутра гласит: «Желание – это страдание; отсутствие желания – вот радость». А это значит, что отсутствие желаний и есть следование Пути.

Четвертый тип деяний состоит в том, чтобы пребывать в соответствии с Дхармой (чэн фа). Дхармой зовут принцип абсолютной (имманентной) чистоты. Следуя этому принципу, все сущее – пустотно, а поэтому не может вести ни к загрязнениям, ни к привязанностям и не представляет собой ни «этого», ни «того». В сутре говорится: «Дхарма ничего в себе не содержит, так как она свободна от загрязнений, [что

создаются] живыми существами. Она лишена всякой субъективности, поскольку свободна от загрязнений, [создаваемых] мною самим».[18] Мудрец, что способен уверовать в этот принцип и постичь его, должен постоянно совершенствоваться в том, чтобы «пребывать в соответствии с Дхармой». Равно как и сама Дхарма, что обладает расточительной сутью, он не щадит ни своего тела, ни своих богатств, раздавая милостыню. Пронзая собой пустоту всех Трех миров, он остается независимым от них и ни к чему не привязанным. Высветляя в себе загрязнение, он помогает живым существам и ведет их, не делая никакого различия между ними по внешнему виду. [Деяния его], будучи истоком пользы для него самого, являются таковыми же и для других и позволяют к тому же обогатить Путь Просветления.

То, что подходит Господину, подходит и пяти другим [Совершенствам]. Чтобы устранить ложные понятия, упражняются в шести совершенствах.[19] Тем не менее, когда нечего практиковать, практикуют в «полном соответствии с Дхармой».[20]

«Рассуждения Бодхидхармы об отсутствии сердца»

(«Дамо усинь лунь»)

От переводчика

Полное название этого текста «Рассуждения Бодхидхармы об отсутствии сердца» («Путидамо усинь лунь»). Он был обнаружен в знаменитом хранилище текстов в Дунхуане (№ 5619), и ниже приведен его полный перевод. Текст невелик по объему и состоит из одной части или из одного свитка (цзюань). По своей структуре он заметным образом отличается от сутр как индийского, так и китайского происхождения и скорее тяготеет к «Речениям Мацзу», нежели к «Сутре Помоста». В тексте нигде прямо не говорится, что автором наставлений является сам Бодхидхарма, вероятно, его авторство приписано позже, первоначально это была запись наставлений одного из чаньских учителей, возможно Мацзу. В тексте основной упор делается на тезис об «отсутствии сердца», точнее об отсутствии привязанностей сердца к внешним феноменам, что сближает его с проповедями Мацзу. Подразумевается, что собеседником Бодхидхармы выступает его первый ученик и второй Патриарх чань-буддизма Хуэйкэ. Перевод выполнен по тексту: Чань юйлу (Чаньские речения), т. 1, сост. Ма Цзоминь, Сун Сюйлин. Тайбэй: Хуатай иньшуа, 1982, с. 79–92.

«Стела первому Патриарху Бодхидхарме» (худ. Ли Чжи, XX в.)

«Рассуждения Бодхидхармы об отсутствии сердца»

Принцип (ли) можно выразить и не говоря ничего – ведь Великое Дао не имеет ни формы, ни деяний.

И вот сегодня в отдохновении сошлись два человека, которые в праздности беседуют друг с другом, рассуждая об «отсутствии сердца».

Ученик спросил монаха:

– Есть ли сердце? Или сердце отсутствует?

– Сердце отсутствует, – был ответ.[\[21\]](#)

– Если же мы говорим, что сердце отсутствует, как же мы можем видеть, чувствовать, познавать? Да как же мы тогда можем познать само это «отсутствие сердца»?

– И все же сердце отсутствует! Таковы и зрение, и слух, и чувства и знания. И именно благодаря отсутствию сердца мы можем познать это отсутствие сердца.

– Если сердце отсутствует и вместе с ним отсутствуют зрение, слух, ощущения и

знания, то как мы все же можем видеть, слышать, чувствовать и познавать?

– Хотя я и не имею сердца, тем не менее я способен и видеть, и слышать, и чувствовать, и познавать.

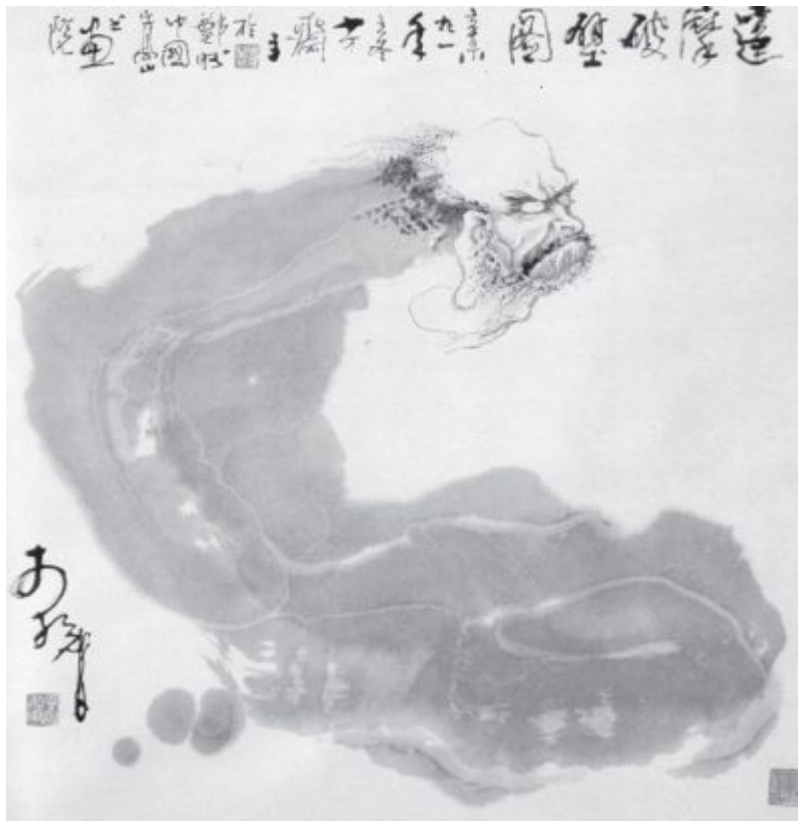
– Но все же именно способность к видению, слуху, чувству, знанию и являет собой сердце. Так почему же мы все-таки называем его «отсутствующим» (у)?

– Лишь потому, что существуют зрение, слух, чувства и знания, существует и отсутствие сердца. В каком же другом месте может быть отсутствие сердца, кроме как в зрении, слухе, ощущениях и знаниях? Боюсь я, что ты не понял, поэтому объясню тебе одно за другим, дабы ты достиг осознания истинного Принципа. Допустим, ты будешь взирать на [отсутствие сердца] весь день, но так и ничего не увидишь. Значит зрение и есть отсутствие сердца.^[22] Будешь вслушиваться в него весь день, но так ничего и не услышишь – значит слух и есть отсутствие сердца. Будешь пытаться ощутить его весь день, но так ничего и не почувствуешь – значит ощущение и есть отсутствие сердца. Будешь стараться познать его весь день напролет, но так ничего и не узнаешь – значит знание и есть отсутствие сердца. Будешь пытаться весь день что-то сделать^[23] с ним, но так ничего и не сделаешь, а значит дела и есть отсутствие сердца. А поэтому мы и говорим, что «зрение, слух, ощущения и знания все вместе и есть отсутствие сердца».

– Но если его можно достичь, то как же нам узнать, что это и есть отсутствие сердца?

– Изволь, сейчас я тебе покажу. Каков лик у сердца? Можно ли обнаружить это сердце? Да и сердце ли это? А может и не сердце вовсе? Искать ли его внутри? Или искать снаружи? А может быть искать его где-нибудь посередине? И даже если во всех этих трех промежутках пытаться найти это ощущение сердца – все равно его не достичь. Равно, как и в любом месте, где бы мы ни искали его, нам его все равно не обнаружить. А поэтому мы узнаем о нем именно как об «отсутствии сердца».

– Преподобный,^[24] Вы только что сказали, что любое место и есть отсутствие сердца, и все это единится с отсутствием как дурных, так и добродетельных [поступков]. Так почему же живые существа, пройдя круговорот метаморфоз в шесть кругов, все же не разрывают [цепь] рождений и смертей?

«Бодхидхарма, раскалывающий стены незнания» (худ. Ли Чжи, XX в.)

– Живые существа пребывают в заблуждениях и иллюзиях, и в своем отсутствии сердца они достигают рождения иллюзий сердца и творят себе различную карму. В своих иллюзиях они держатся за бытие (наличие). А поэтому не достаточно и шести кругов метаморфоз, чтобы прервалась цепь рождений и смертей. Это похоже на человека, который дрожит от страха в темной комнате и принимает древесный корень за злого духа, а хвостатую черепаху за змею и тем самым порождает в себе еще больший страх. Так и все живые существа в своей привязанности к рождению иллюзий подобны этому [человеку]. В своем отсутствующем сердце они придерживаются иллюзии наличия сердца и тем самым творят себе различную карму и именно поэтому не могут вырваться из шести кругов метаморфоз. Таковы живые существа: если встречают искушенного в знаниях чаньского учителя, который может наставить их, то ощущают прозрение отсутствия сердца, все кармические препятствия рушатся, а [круг] рождений и смертей прерывается. Это подобно тому, как в кромешной тьме увидеть яркий свет солнца – и тьма тотчас уходит. Таково и прозрение [принципа] отсутствия сердца – все дурные поступки развеиваются.

– Преподобный, любое место/предмет (чу) не имеет сердца (души), [а значит] и дерево, и камень не имеют сердца. Так не подобны ли мы такому дереву или камню?

– В нашем отсутствии сердца мы не подобны сердцу дерева или камня. Почему я так говорю? Все это подобно Небесному барабану – хотя я и повторяю: «Сердце отсутствует», тем не менее сами по себе (цзыжань) могут возникать различные изумительно-утонченные способы, которыми можно наставлять и изменять живые существа. Подобно это также и жемчужине – хотя я и повторяю: «Сердце отсутствует», но сами по себе могут возникать различные метаморфозы. И когда я [говорю] об отсутствии сердца, именно это я и имею в виду. Хотя и повторяю: «Сердце отсутствует», искушенный сумеет почувствовать драгоценный облик этого учения, который и есть истинная высшая мудрость (праджня), все три тела, пребывая

сами в себе (цзы цзай), откликаются в использовании на это и не бывает вреда.[\[25\]](#) А поэтому «Гуйцзи цзин» говорит: «Смыслом отсутствия сердца твори поступки». Так разве подобно это дереву или камню? Отсутствующее сердце и есть сердце истинное. Истинное сердце и есть сердце отсутствующее.

– Сегодня все мы пребываем в [мире наличия] сердца. Так как же можно пестовать [истинные] поступки?

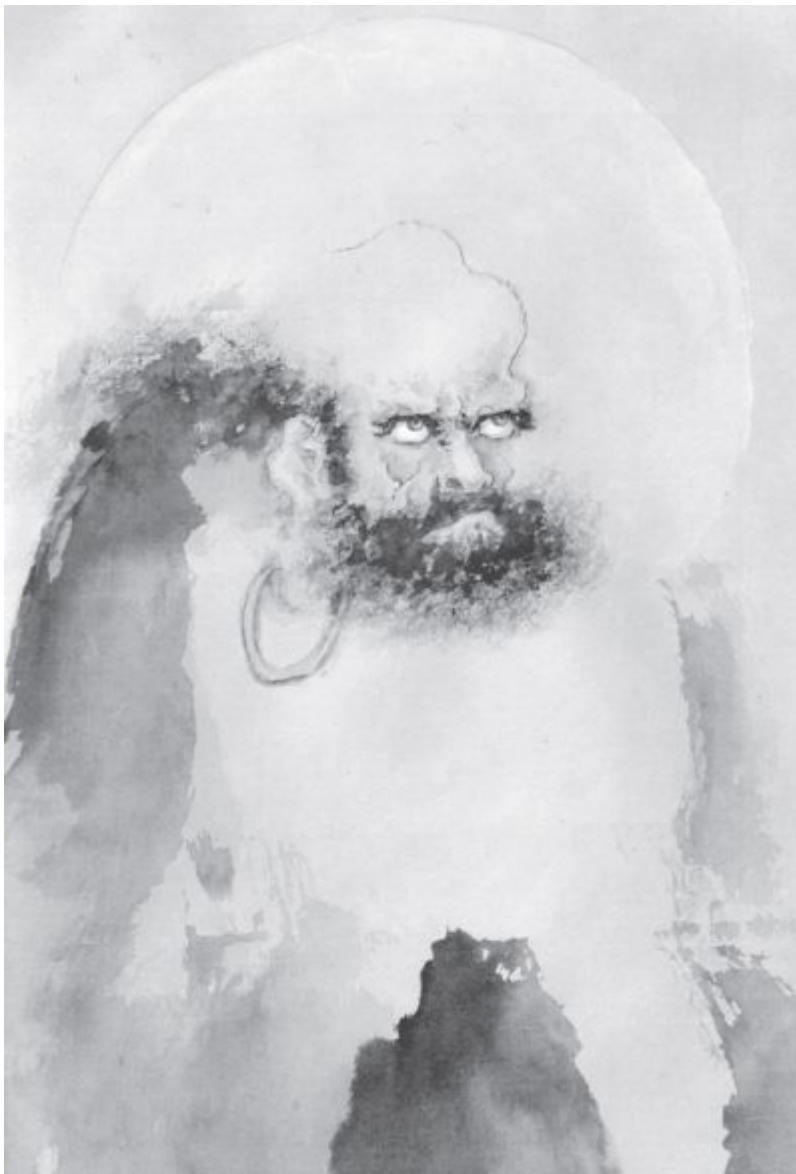
– Надо в своих чувствованиях[\[26\]](#) подняться над всеми делами, отсутствие сердца как раз и есть пестование [истинных] поступков и не бывает никакого другого пестования [истинных] поступков. А поэтому познание отсутствия сердца и есть всё вместе (и це), нирвана (угасание) и есть отсутствие сердца.

И при этих словах ученик внезапно получил Великое пробуждение и с этого началось его познание того, что сердце лежит за пределами отсутствия вещей и явлений, а вещи находятся вне отсутствия сердца. Движение и остановка – все пребывают сами в себе, рождение и умирание взаимно сомневаются друг в друге.

А Учитель произнес гатху:

Сердце и дух устремляются к умиротворению,
И тогда нет ни чувств, ни форм.
Смотри на него и не увидишь, вслушивайся и не услышишь.
Будто темно оно, но будто бы и нет. Кажется светлым, но не светло.
Пребывающий в этом не умрет, и достигший этого не родится [вновь].
Становясь огромным, оно раздвигается настолько, что объемлет весь мир Дхармы.
Становясь малым настолько, что кончик волоска не оставит [и тени].
Путы незнания (клеша) и заблуждения не загрязнят его.
Зеркально-чистая нирвана не очистится.
Истинная таковость (буддхатхата) изначально не имела никаких разделений.
Можно разграничить (вести спор) на обладающих чувствами и не обладающих.
Если ничто не сохраняется,
Если распространится среди обычных живых существ.
Не постижима утонченность духа.
Праведное Чувствование приходит из пестования поступков.
Когда оно умирает, не увидишь его исчезновения.
Когда оно рождается, не узрешь его появления.
Великий Путь к покою[\[27\]](#) (цзи) не имеет внешних проявлений,
А мириады образов не имеют имен.
Если все это использовать вместе и сберечь,
Все вместе это и явится сутью «отсутствия сердца».

Преподобный монах вновь заговорил:

«Бодхидхарма в духовном откровении» (худ. Ли Чжи, XX в.)

– Если говорить о мудрости-праджне, то праджня отсутствия сердца – самая высшая. Именно поэтому сутра «Вималокирти-нидреша-сутра» говорит: «Из сути отсутствия сердца происходит отсутствие поступков, и целиком можем разгромить все внешние пути[28] ». Другая сутра «Фагуцзин» – «Сутра колоколов Дхармы» говорит: «Если сумеешь познать, что “отсутствие сердца” достижимо, то Дхармы не достичь, злые дела и подвиги также не достичь, [череду] рождений и смертей, нирвану также не достичь, в результате ничего не достичь. И того, чего нельзя достичь, также нельзя достичь». Об этом есть гатха:

Все заблуждения предыдущих дней происходят
от обладания сердцем.

Когда же наступает пробуждение, то сердце
отсутствует.

Хотя, повторим, что лишь через отсутствие
сердца можем постичь [истинное]
использование.[29]

Постигая использование, постоянно пребывая в покое – вот какво это!

Затем добавил:

Отсутствие сердца, отсутствие знания [о его использовании] – это и есть отсутствие использования.

Отсутствие сияния, отсутствие использования – это надеяние

Все это являет собой истинный мир дхармы (Дхармакаю) Воистину пришедшего (Татхагаты). И с ним не сравнится бодисаттва, который становится лишь пратьека-буддой.[\[30\]](#)

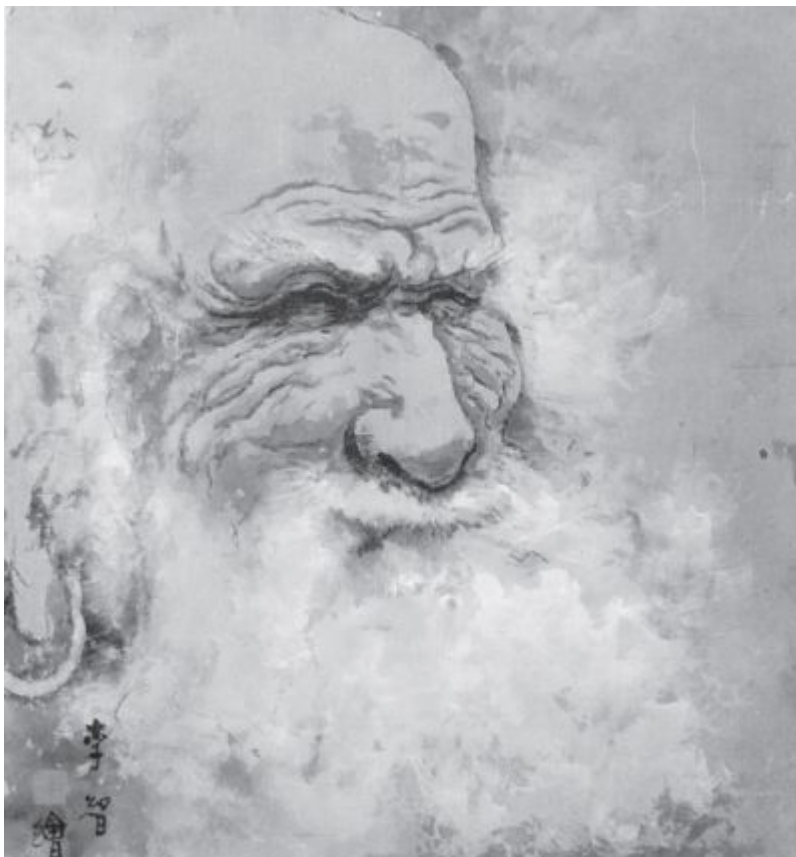
А значит, говоря об отсутствии сердца, мы подразумеваем сердце, в котором отсутствует всякое помрачение образами внешнего мира (лакшанами).

И вновь ученик спросил:

– А что называем мы Высшим?

– Высшее означает Великое. Означает высокое, поскольку это утонченный принцип предельно высокого, а поэтому и называем его «Высшим». Высшее по своему месту подобно горе Тайшань. В сферах (Небе – тянь) трех миров[\[31\]](#) также есть люди, которые достигли счастья здорового долголетия, но в конце концов и им придется пройти шесть кругов метаморфоз – всего этого недостаточно для «Высшего». Есть и те, которые находятся на десятом этапе просветления (бодхи), и хотя они уже не опираются на жизнь и на смерть, но их утонченный принцип еще не достиг предела, и конечно же не является «Высшим». Существуют и те, которые находятся на десятом этапе пестования своего сердца и в своих иллюзиях считают, что проникли в небытие (у), в их небытии бытие и небытие сменяют друг друга, и не прозрели они срединного Пути, – конечно же все это не является «Высшим».

Есть и те, которые забыли о срединном Пути, отбросили все три сферы пребывания (бытие, небытие и то, что находится между ними. – А. М.) и пребывают в утонченных ощущениях[\[32\]](#) [Будды]. Бодисаттва, хотя и отказался от всех трех сфер пребывания,[\[33\]](#) но не может отрешиться от утонченности [этого состояния]. Увы, и это не является «Высшим».

«Бодхидхарма, что не имеет границ» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Но есть и те, кто забыл и об утонченном, – это предел Пути Будды. И тогда им уже нечего придерживаться. А поскольку они не придерживаются мыслей, духовный мрак [34] рассеивается, устраняются все ощущения и отражения, и внезапно приходит состояние недеяния – вот это и есть «Высшее». Высшее – это предел принципа, высокое – это то, что не имеет себе равных. А поэтому и говорим: «Высшее – это лишь другое имя для Будды Татхагаты».

4

БЕЗУМНАЯ МУДРОСТЬ НАСТАВНИКА

Пример наставлений:

Кожа, плоть, кости и суть Чань

Истории о Бодхидхарме, о его наставлениях, беседах с учениками стали одним из способов воспитания последователей Чань, ведь каждая история – обычно это гунъань, или по-японски коан, – требует глубинного понимания на уровне самых тонких нюансов. Здесь нет места формальной логике или обычному логическому осмыслению. Поэтому учителя используют диалоги или наставления Бодхидхармы для пробуждения сознания учеников. Нередко это – настоящий «слоеный пирог», где можно встретить, во-первых, сами диалоги, приписываемые Бодхидхарме, во-вторых, несколько комментариев нескольких поколений старых учителей, в-третьих, разъяснения современных наставников. Так и идет диалог чаньских наставников через сотни лет и десятки поколений. Ниже дается один из примеров таких наставлений.

Введение

Чань нельзя выучить или понять. В нем нет теории, которую можно было бы где-то прочитать, а потом следовать ей. Но его можно почувствовать, и я вас уверяю, что сделать это легче, чем может показаться на первый взгляд. Достаточно просто вдуматься в диалоги Бодхидхармы с учениками. Но помните, чаньские мастера – великие хитрецы и обманщики. То, что вам может показаться правильным с первого взгляда, на самом деле обернется глубочайшим заблуждением по поводу слов чаньского мастера. Кажется, он хвалит, а на самом деле ругает, восхищается мудростью ученика – а на самом деле разочарован его непониманием. Внешне он может ругать и даже прогонять ученика – в этом порою высшая похвала своему последователю. Поэтому не слушайте его слова, смотрите прямо в сердце! Туда, где и заключена суть Чань.

Сначала посмотрим на одну из центральных историй всей чаньской традиции – историю о том, как и кому Бодхидхарма передал свое учение. И нам здесь не важно, произошла ли она на самом деле, опрашивал ли Бодхидхарма своих четырех учеников о сути Чань. Конечно, дотошный знаток истории развития Чань нам расскажет, что возникнуть эта история могла веке в X–XI, а записана была в XI в. Но для нас это совсем не важно, важна не история, важен сам дух Чань.

«Бодхидхарма, достигший чаньского просветления» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Этот диалог много комментировали, мы здесь приведем комментарии Хайкуй Тайдзана Маэдзуми (в тексте они даны курсивом) – они не лучше и не хуже всех

остальных. Они настолько же точны и изящны, насколько могут и не иметь никакого отношения к сути гунъаня. А могут и иметь...

А еще добавим свои наставления.

Итак, в путь...

Гунъань

Когда Бодхидхарма решил возвращаться в Индию, он собрал своих учеников и сказал: «Время пришло! Продемонстрируйте свое понимание».

Найти одного главного среди четырех – вот уже воистину нелегкая задача!

Один из его учеников, Даофу, сказал: «Я считаю, что мы не должны опираться на письменна, но и не отрицать письменную традицию – в этом и есть естественность Пути».

Избегая краев дороги, он движется прямо посередине пути.

Бодхидхарма сказал: «У тебя моя кожа».

Да, здесь он не избежал проявления почти материнской заботы.

Монашенка Цзунчи сказала: «Я считаю, это подобно той радости, которую испытал Ананда, достигнув чертогов Будды Акшобхая, что можно узреть, только пребывая в единстве, а не в двойственности».

Лишь знающий может говорить так! Да она – детеныш льва (Лев – символ Будды. – А. М.)!

Бодхидхарма сказал: «У тебя моя плоть».

Есть множество тех, кто странствует по Пути, но редки те, кто делает это в гармонии.

Даоюй сказал: «Четыре великие первостихии изначально пусты, а пять скандх не существуют вовсе. Поэтому и нельзя быть ни к чему привязанным».

Глухой, немой и слепой, он идет спотыкаясь.

Бодхидхарма сказал: «У тебя мои кости».

Дух опознает дух, а вор узнает вора!

Наконец вперед выступил Хэуйкэ, низко поклонился и вернулся на свое место.

Отправившись прямо по пути Бодхидхармы, он утыкается прямо в живот этого старца.

«В тебе – моя суть (досл. “спинной мозг”)», – произнес Бодхидхарма.

Вот уж пример всепрощающего родителя!

Так Дхарма и ряса были переданы Хуэйкэ»

Один слепой человек ведет толпу слепцов. Ну и куда же они все придут?

Комментарий Хайкуй Тайдзана Маэдзуми

Если вы будете оценивать эти ответы по тому, какой из них лучше, а какой хуже, вы не уловите суть намерений Первопатриарха. Мы должны осознать, что, хотя понимание Дхармы у каждого ученика свое, тем не менее каждое содержит свое выражение всей сущности их Учителя. А если Бодхидхарма не увидел всей глубины понимания ни в одном ответе, ограничившись тем, что они получили «кожу, плоть, кости и суть», так кому же он передал Дхарму? Если вы скажете, что все четыре получили Дхарму, так почему же говорится, что «так Дхарма и ряса были переданы Хуэйкэ». Если вы сможете увидеть это здесь, вы поймете сердце Первопатриарха.

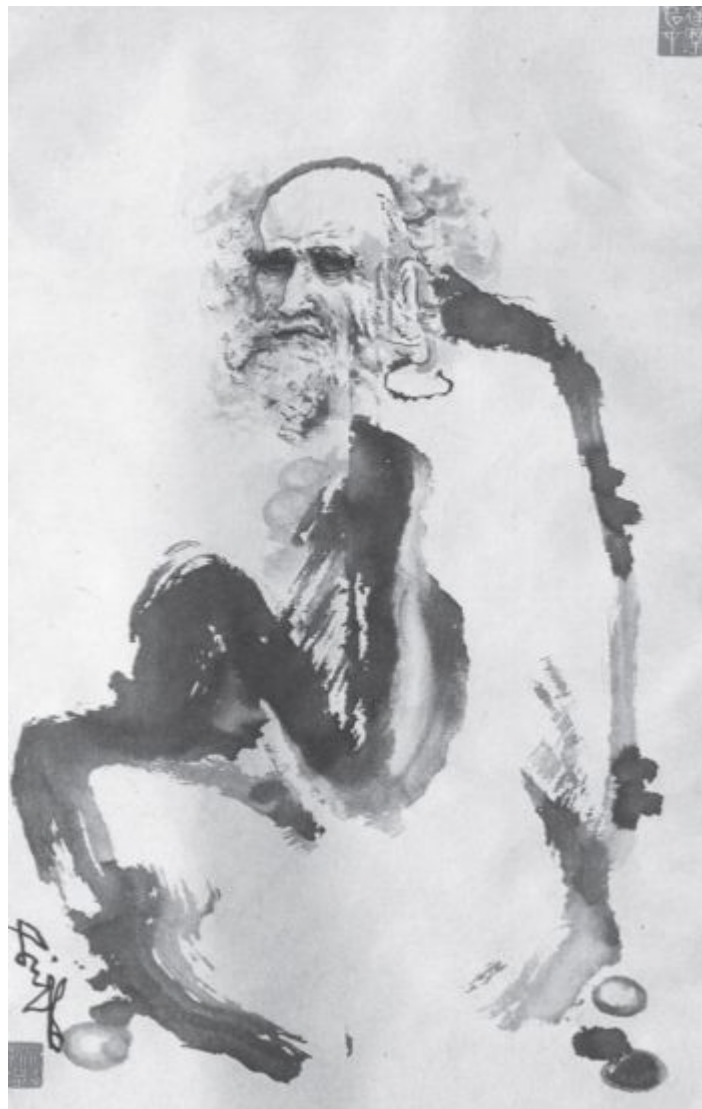
Речитатив Хайкуй Тайдзана Маэдзуми

Не сделав шага,
Ты уже пришел.
Не вымолвив и слова,
Ты уже выразил Истину.

Наставления Ши Синъина

Это очень старый гунъань, или коан. Он стал широко известен из сочинений японского мастера Догэна «Сёбогэндзо», в котором тот собрал триста подобных историй, что услышал во время своего обучения в Китае. Эта история вошла и в «Записи о передаче светильника» (XI в.), и во множество других китайских сборников чаньских историй.

Вы думаете, Бодхидхарма хвалит своих учеников? Нет, он успокаивает их как нерадивых детей, наслушавшихся умных речей, готовых повторять эти речи от своего имени, но так ничего и не понявших. Кто-то делает это лучше, кто-то совсем глупо и механически, но все они промахиваются мимо сути.

«Убелённый сединами Бодхидхарма» (худ. Ли Чжи, XX в.)

Даофу говорит, что следует не опираться на письменную традицию – «бу ли вэнь цзы» или не «опираться на письменна». Да, здесь все правильно. Все точно. Именно так и учил с самого начала Бодхидхарма. Читая чужие слова, мы лишь отвлекаемся от очищения собственного сознания. Более того, это создает иллюзию, что подобные мудрые слова – слова Будды, патриархов – это и есть наши мысли. Мы их повторяем про себя, рассказываем знакомым и ученикам, и однажды нам может показаться, что мы мудры так же, как и авторы данных слов. Конечно же это иллюзия, это самообман и игра в слова. Простое звукоподражание. А еще – это гордыня, «упоение собственной мудростью», от которой предостерегал шестой Патриарх Хуэйинэн.

Но слова древних нельзя и не читать, их нельзя отринуть вовсе – и в этом Даофу опять прав. Они дают нам представление о настрое мыслей древних мастеров, об их понимании действительности. Но важно помнить что это – их понимание, не наше, их видение иллюзорности мира, которое к нашему сознанию может пока никак не относиться. Можно и нужно читать тексты старых мастеров, но нельзя принимать их за свое. Надо пережить это самому. И не «опираться на письменна».

Даофу повторяет ключевой принцип постижения сути Чань, который был передан ему Бодхидхармой. Это еще не суть учения, но уже путь к самой сути. Повторяет почти дословно. Как это вежливо с его стороны! Как грустно! Он сам себе

противоречит! Это слова его учителя – не его самого. Он выучил урок, молодец! Он ничего из него не вынес – так может ли он понести учение дальше?!

Такие последователи очень нужны, ведь благодаря им последующие поколения узнают в точности наставления учителя. Но в таких учениках умирает сама суть учения, для них форма важнее содержания.

Даофу внешне очень точно воспроизвел слова Бодхидхармы, а поэтому Патриарх говорит: «У тебя моя кожа» – лишь внешняя оболочка Чань.

Даоюй – единственный, кто стал говорить о теории буддизма. При этом он все говорит правильно, но суть того, что он говорит – трюизм, избитая истина для любого буддиста. Это лишь повторение того, что он слышал от учителя, но не его собственное переживание. Он слишком правилен и точен, поэтому ошибается. Даоюй говорит о непривязанности к миру, о его иллюзорности. Но зачем же говорить о том, чего ты не чувствуешь?! Рассуждая об иллюзорности, ты создаешь лишь новые иллюзии, стремясь к непривязанности к миру, ты тем самым еще сильнее привязываешься к его проявлению, да и к собственной значимости в этом мире.

Знаете, почему это так далеко от сути? Потому что я должен вам разъяснить, что такое скандхи.

Что такое личность в буддизме? Это прежде всего упорядоченная комбинация дхарм, которые распределяются по пяти основным группам – «скандхам» или «кучам, скоплениям». Первая скандха (рупа) относится к материальному миру, все остальные четыре – к миру психическому. Первая скандха (санскр. рупа, кит. сэ) состоит из четырех великих первостихий: земли, воды, огня и ветра. Именно о них упоминает в своем ответе Даоюй, говоря, что они «изначально пусты», то есть в высшей реальности не обладают никакой материальной основой, а, следовательно, все, что мы ощущаем и видим во внешнем мире, всего лишь наши иллюзии. А как же наш мир внутренний, психический? Существует ли он? Вторая скандха – «ощущение» (ведана, шоу) – наша способность ощущать и разделять приятное, неприятное и нейтральное. Третья скандха – «образы» (самджня, сян) – это наша способность создавать некие образы о внешнем мире, различать и продуцировать чувства и представления. Четвертая скандха – «действие» (самскара, син) – наши способности изменять судьбу психических или материальных явлений, то есть создавать определенную карму. Наконец, пятая скандха – «сознание» (виджняна, ши) – наша способность сводить воедино формирование образов (вторая скандха) и «действие» (третья скандха), что позволяет нам вырабатывать мысленную оценку, накапливать и сохранять опыт. Учение Чань отрицает не только всю бытийную реальность, но и даже существование пяти скандх. Иллюзия сама оказывается иллюзорной, наши мысли о ней – ошибочными и обманчивыми. Это то, что буддисты называют «дхарменным не-я» или на санскрите «дхарманайратмья», а по-китайски «фа у во». О таком абсолютном отсутствии и говорить Даоюй, пытаясь выдать это за высший смысл Чань.

Наконец, я разъяснил в самых общих чертах, что такое «пять скандх» и в чем была основная мысль Даоюя. Вам многое открылось? Не думаю. А суть Чань вообще не должна нуждаться в разъяснениях!

Даоюй очень хорошо выучил теорию. Но если ничего не существует, зачем же об этом говорить? Рассуждая о пустоте, мы наполняем ее своими словами и мыслями, и она прекращает быть пустотой. Ничего не понимая в этом, Даоюй готов вести за собой других. Именно поэтому комментарий говорит: *«Глухой, немой и слепой, он*

идет спотыкаясь».

Комментарий соотносится с важнейшим положением «Сутры сердца», говорящей об абсолютной пустоте истинной реальности: «Нет глаз, ушей, носа, языка, тела и сознания. Ни красок, ни звуков, ни запахов, ни вкуса, ни ощущений, ни явлений».

Барабанная башня монастыря Шаолиньсы

Причем здесь «вор, который видит вора»? О, это очень древняя традиция, ведь даже даосы считали Дао самым великим «вором»: оно отнимает все, опустошая до предела. Оно отбирает все видимое и материальное. Так и чаньский учитель отбирает у ученика все его иллюзии относительно просветления, все его представления об этом мире, все его надежды на быстрое постижение внутренней реальности. Все оказывается значительно сложнее, чем казалось вначале: учитель отобрал самое главное, «украл» надежду на моментальное просветление «здесь и сейчас». Но Даоюй тоже «ворует» – «ворует» у последователей саму возможность точно осознать суть Чань.

Монашенка Цзунчи идет дальше – значительно дальше и выше. Она говорит о самой сути, о той радости, которую невозможно описать словами и которую испытывает человек, что достигает состояния Будды. Она уже знает, что это состояние – не суровая медитативная сосредоточенность, не глубокомысленные рассуждения с серьезным лицом, не покорное следование каким-то предписаниям и правилам. Это абсолютное ликование, «Великая радость» (да лэ). Цзунчи не пускается в сложные рассуждения, не жонглирует буддийскими понятиями, как Даоюй, не повторяет дословно наставления учителя, как Даофу. Она просто и непредвзято выражает то, что испытала сама – в этом ее безошибочность. Да, в ней действительно «плоть» Бодхидхармы!

Но не слишком ли много она сказала? Зачем она попыталась сказать то, что невозможно выразить словами? Чтобы подчеркнуть свое превосходство и понимание? О, тогда она очень далека от истины! Но она молодец, она уже «детеныш льва», который пока играет на зеленой лужайке, не зная забот. И она может стать львом!

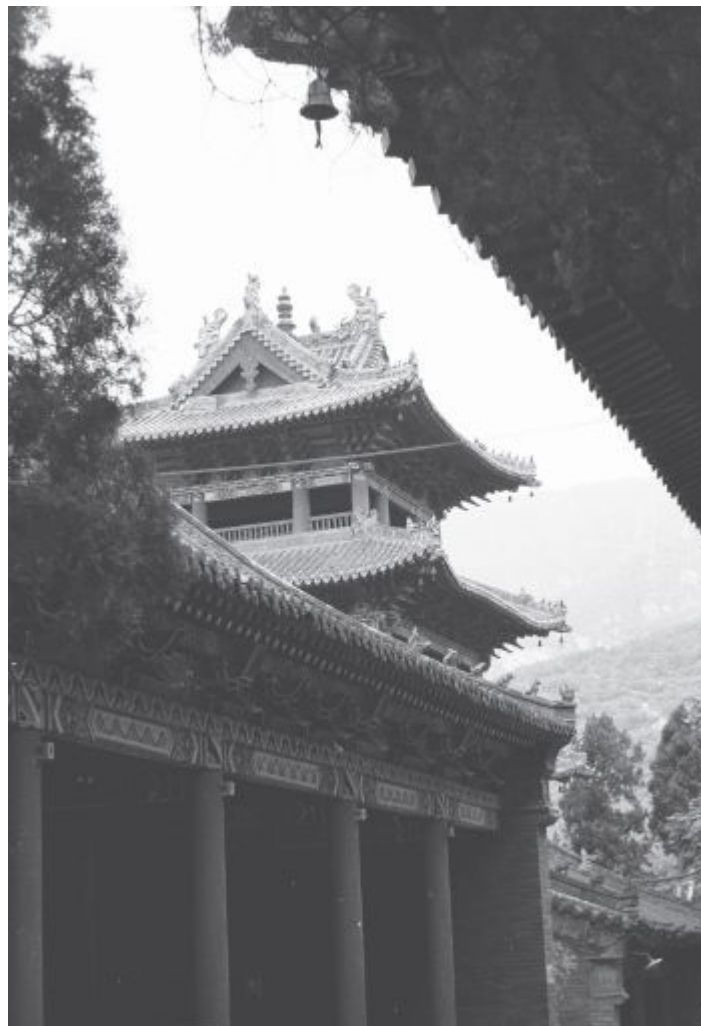
Хуэйкэ не говорит ни слова. Он уже знает, что суть Дхармы не выразить словами и «громогласно молчит». Он делает шаг вперед, кланяется и тотчас становится обратно. И он знает, как себя вести при подобном вопросе.

Вы думаете, он первый в такой форме попытался выразить суть Учения! О нет, точно также поступил один из учеников Будды, когда в ответ на вопрос «В чем суть буддизма?», просто поднял уроненный Буддой цветок и с улыбкой подал ему, не сказав ни слова! Не случайно комментарий говорит, что Бодхидхарма, одобряя поступок ученика, поступает как «всепрощающий родитель» – он знает о вторичности такого поступка, но это максимум, что может сделать Хуэйкэ. Хуэйкэ действительно очень старается и он единственный из четырех, кто внутри себя в этот момент открывает новую глубину. За это ему и достается похвала Бодхидхармы, а вместе с ней – Дхарма и ряса, символы патриаршества. Ведь других учеников все равно же не было!

Вот именно так: *«Один слепой человек ведет толпу слепцов. Ну и куда же они все придут?»*

Интересно, зачем Первопатриарх испытывал своих четырех учеников, разве он не мог понять все заранее? Конечно мог. Это было нужно не для него, а для них – для четырех лучших, но все же нерадивых учеников. Это нужно для нас, чтобы понять, что ошибаться и заблуждаться может даже тот, кто находится рядом с Великим Учителем. Но одновременно только такой человек имеет возможность отразить в себе облик Учителя.

Так кому же досталась в полной мере чаньская традиция? Никому из четырех!

Внутренний коридор монастыря Шаолиньсы

Да она и не может никому достаться! Ведь она изначально в нас!

Библиография

Источники

1. Баолиньчуань (Передача драгоценного леса). Факсимиле издания 801 г. Киото, б.г.
2. Вэй Чухоу. Синьфусы нэй даочан гунфэн дадэ даи чаньши бэймин (Памятная надпись в поклонение чаньского учителя Великой благодати и Великой справедливости в монастыре Радости и счастья) – Цюаньтань вэнь (Полное собрание текстов эпохи Тан). Тайбэй, 1961, Т. 15.
3. Вэймоцзе цзин (Вималакирти-нидреша-сутра) – Т.14, с.542.
4. Гаосэн чжуань (сост. Хуэйчжао) Т. 50 (№ 2059), сс. 322–423.
5. Гуань синь лунь (О взирании сердца) (сост. Шэньхуэй). Т. 85 (№ 2833), с. 1270–1273.

6. Даоюань. Чжэнфа янь цзан (Сокровищница истинного ока дхармы). Т.82 (№ 2582), с. 7–310.
7. Дачэн цисинь лун (Речения, что пробуждают веру Махаяны) Т. 32, (№ 1666) с. 575–583.
8. Дэнфэн сяньчжи (Уездные хроники Дэнфэн). Дэнфэн. 1984
9. Лидай фабаоцзи (Хроники драгоценности Дхармы). Т.51 (№ 2075, 2034), сс. 179–196.
10. Лоян цзялань цзи (Записи о Лоянской общине-сангхаре) (сост. Ян Сюаньчжи). – Т.51 (№ 2092), с. 999–1022
11. Лэнцзя абодоло баоцзин (Ланкаватара-сутра). Т.16 (№ 670), сс. 479–514.
12. Лэнцзя ши цзы цзи (Хроники поколений учителей и учеников [школы] Ланкаватары) (сост. Цзинцзюэ) – Т.85 (№ 2837), сс. 1283–1291.
13. Люйцзу таньцзин чжуши (Сутра Посмоста Шестого патриарха с комментариями). Путянь: монастырь Гуанхуасы, 1970.
14. Мяофа лянхуа цзин (Лотосовая сутра благого закона). Т.9 (№ 262), с. 1–61.
15. Нихон коку Сёва гонэн нитто губо мокуроку (Японский список работ, составленных в стремлении к Дхарме в эпоху Тан), сост. Эннин, Т.55 (№ 2165), сс. 1074–1076.
16. Сун гаосэн чжуан (Жизнеописания достойных монахов эпохи Сун), (сост. Цзанин, 988 г.) – Т. 50, 2061, с. 709–900
17. Сы цзя юйлу (Записи речений четырех школ) – Сюйцзан цзин, 2, 24-5
18. Сюй гаосэн чжуан (Продолжения жизнеописаний достойных монахов) (сост. Даосюань) Т.50 (№ 2060), с. 425–707.
19. Сюй чуаньдэн лу (Продолжение Записей о передаче светильника) (сост. Юаньцзи Цзюйди). Т.51 (№ 2077), с. 469–714.
20. Тайсё синсю Дайдзюкё (Трипитака, составленная в годы Тайсё). Т... 50, No. 2060 Токио, 1968.
21. Тойки дэнто мокуроку (Список трудов передачи светильника из восточных земель), сост. Эйтё. Т.55, (№ 2183), сс. 1145-1165
22. Удэн хуэй юань («Встреча у изначала Пяти светильников») – Сюйцзан цзин, 2, 11-1
23. Хуанбо. Чуаньсинь фаяо (Важнейшие способы передачи сердца). – Трипитака, т. 2012.
24. Цзи сюй Байчжан цингуай (Продолжение высказываний Байчжана Хуайхая). Т.48, (№ 2025), с. 460а-461б

25. Цзиньдэ чуаньдэн лу (Записи о передаче светильника, составленные в годы правления под девизом Цзиньдэ), (сост. Даоюань) Т. 51, № 2076, сс.196-467
26. Цзунми. Чаньюань чжуцюань цзи дусюй (Предисловие к полному собранию сочинений об истоках чаньского созерцания) Т. 48, № 2015,
27. Цзунми. Юаньцзюэ цзин дашу чао (Записи к шастрам «Нирвана-сутры») – 331, 14.
28. Цзунцзин лу (Записи зеркала школы, 961 г.). сост. Юнминь Яньшоу Т.48 (№ 2061), с. 415–957.
29. Цзутан цзи, (Записи из зала патриархов, 952). Сост. Наньтаном. Чжунго фосюэ вэнь сянь цун шу (Серия текстов по китайскому буддизму) Пекин, 1993.
30. Чжипань. Фоцзу тунцзи (Общие хроники буддийский патриархов), сост. 1260 г. – Трипитака, т. 49, 2035.
31. Чуань фабаоцзи (Записи о передаче драгоценной Дхармы, 1291 г.) (сост. Ду Фэй). – Т. 85 (№ 2838).

Литература

На русском языке

32. Китайская философия. Энциклопедический словарь (под ред. Титаренко М.Л.). Москва: «Мысль», 1994.
33. Маслов А.А. Письмена на воде Первые наставники Чань в Китае. Москва: «Сфера», 2000
34. Книга мудрых радостей. (Составитель В.В. Малявин). Москва: «Наталис», 1997.
35. Хунжэнь. Трактат об основах совершенствования сознания (перевод и предисловие Е.А. Торчинова). Санкт-Петербург: Дацан Гунцзэчойнэй, 1994
36. Хуэйцзяо. Жизнеописания достойных монахов (Перевод, комментарии и исследование М.Е. Ермаковой). Т.1, Москва.: «Восточная литература», 1991

На западных языках

37. Blofeld, John. The Zen teaching of Huihai on Sudden illumination. London, 1962.
38. Blyth R.H. Zen and zen classics. Tokyo: Hokuseido press.1960 (v.1), 1964 (V.2), 1970 (v.3).
39. Broughton, Jeffrey L. The Bodhidharma Anthology: The Earliest Records of Zen, Berkeley: University of California Press, 1999
40. Broughton, Jeffrey Lyle. Proto-Ch'an Texts. Columbia University Press
41. Ch'en, Kenneth. Buddhism in China. A Historical Survey. Princeton, New Jersey:

Prinseton University press. 1964

42. Chang Chung-yuan. Original teaching of Chinese Buddhism (selected from Transmission of the Lamp). N.Y.1969

43. Chavannes, Edouard. Le T'ai chan: Essai de monographie d'un culte chinoise. Paris: Ernest Leroux, 1910.

44. Demiéville, Paul. Appendice sur «"Damoduolo" (Dharmatrafta)», in: Jao Tsong-yi et Si., Peintures monochromes de Tun-huang (Dun-huang baihua). Ecole Française d'Extrême-Orient. Mémoires archéologiques 13,1 (1978), pp. 43–49.

45. Demieville, Paul. Choix d'études bouddhiques. Leiden: Brill, 1973.

46. Dumoulin H. and Sasaki Rut Fuller. The development of Chinese Zen. New York, 1953.

47. Dumoulin, Heinrich. «Early Chinese Zen Reexamined: A Supplement to Zen Buddhism: A History», Japanese Journal of Religious Studies 20 (1): 31–53, 1993

48. Dumoulin, Heinrich. A History of Zen Buddhism, Boston: Beacon Press, 1963.

49. Dumoulin, Heinrich. Bodhidharma und die Anfänge des Ch'an-Budhismus // «Monumenta Serica» 10 (1945), pp. 222–238.

50. Dumoulin, Heinrich. Zen Buddhism: A History, vol. 1: India and China, Bloomington, IN: World Wisdom, 2005

51. Dumoulin, Henrich. A History of Zen Buddhism. New York, 1963

52. Faure, Bernard (tr. et commente). Le Traite de Bodhidharma (Premiere Antologie du Bouddhisme Chan). Paris: Le Mail.1986.

53. Faure, Bernard. Bodhidharma as Textual Paradigm // "History of Religions", février 1986.

54. Faure, Bernard. Relics and Flesh Bodies: The creation of Ch'an Pilgrimage Sites // in: Pilgrims and Sacred Sites in China (ed. by S. Naquin and Chun-fang Yu) Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California press, 1992

55. Ferguson, Andrew. Zen's Chinese Heritage: The Masters and their Teachings. Somerville: Wisdom Publications, 2000.

56. Goddard, Dwight. A Buddhist Bible. Thetford, Vermont, 1932.

57. H?b?girin: Dictionnaire encyclop?dique du bouddhisme d'apr?s les sources chinoise et japonaises, Paris: Adrien-Maisonneuve, 1929–1985.

58. Holin?, Lucien. Discours et sermons de Houei-neng, sixi?me palriarch? Zen, Paris, 1963.

59. Hu Shi. Chan (Zen) Buddhism in China, Its History and Method. "Philosophy of East and West, III (no 1, April, 1953), 3-24.

60. Hu Shi. Development of Zen Buddhism in China – Chinese Social and Political Science Review. 1932 N 15.
61. Hu Shih. Ch'an Buddhism in China. its history and methods in.: Philosophy of East and West, vol. 3 (1953),
62. Jan Yun-hua. «Tsong-mi, his analysis of Ch'an buddhism» // Toung Pao. LVIII, 1972, p. 1–54.
63. Jan Yun-hua.. A Chronicle of Buddhism in China (580–960 a.d.): Translations from Monk Chih-p'an's «Fo-tsu T'ung-chi». Santiniketan: Visva-Bharati, 1966.
64. Jenner W.F.J. Memories of Loyang: Yang Hsuan-chih and the Lost Capital (493–534). Oxford: Clarendon Press, 1951.
65. Kohn, Michael H., (ed) The Shambhala Dictionary of Buddhism and Zen, Boston: Shambhala. 1991
66. Lamotte E. L'enseignement de Vimalakirti. Louvain: Editions Peeters, 1962.
67. Lu K'uan-yu. The Transmission of the Mind outside the teaching. New York: Grove press, inc.1974.
68. Masson-Oursei. P. «Tath?gatagarbha et Alayavijn?na» dans Journal asiatique. CCX, 1927. pp. 295–302.
69. Pachow, W., A Buddhist Discourse on M?ditation from Tun-huang // “University of Ceylon Review”, 21,1 (avril 1963), pp. 47–61.
70. Pelliot P. Les grottes de Touen-houang (in 6 vols). Paris. 1914–1924.
71. Ruegg David Seyfort, La th?orie du Tath?gatagarbha et du gotra. Eludes sur lu sot?riologie et la gnos?ologie du bouddhisme, Publications de l'E.F.E.O., 70, Paris. 1969.
72. Sasaki Fuiier Ruth and Issh? Miura. Zen dust. New York, 1968.
73. Shibata Masumi. Passe sans porte, Paris, 1973.
74. Silburn Lilian. Le bouddhisme, Paris, 1977.
75. Sohaku Ogata (tr.) The Transmission of the Lamp. Early Masters. Wolfeboro, New Hampshir: Longwood Academic, 1989
76. Soothill, William Edward and Hodous, Lewis. A Dictionary of Chinese Buddhist Terms. London: RoutledgeCurzon, 1995.
77. Sutton, Florin Giripescu. Existence and Enlightenment in the La?k?vat?ra S?tra: A Study in the Ontology and Epistemology of the Yog?c?ra School of Mah?y?na Buddhism, Albany: State University of New York Press, 1991
78. Suzuki D.T. Essays in Zen Buddhism. London and Kyoto.1927–1934.
79. Suzuki D.T. Manual of Zen Buddhism. Kyoto.1935.

80. Suzuki D.T. Studies in the Lankavatara Sutra. London.1930.
81. Suzuki D.T. The Zen Doctrine of No Mind. Londres: Rider and Company, 1969.
82. Suzuki D.T. The Zen doctrine of No Mind: the Significance of the Sutra of Hui-Neng (Wei Lang). Londres: Rider and Company.1970 (1-st ed. – 1949).
83. Suzuki D.T. Training of the Zen Buddhist Monk. Kyoto.1934.
84. Suzuki D.T. Translation of the Lankavatara Sutra. London.1934.
85. Suzuki D.T. Zen and Japanese culture. Princeton: Princeton University press.1973.
86. Suzuki D.T., Beatrice Lane. Mahayana Buddhism. London: George Allen and Unwin Ltd.1959.
87. Suzuki Shunryu. Zen Mind, Beginner's Mind. Informal Talks on Zen meditation and practice. New York and Tokyo: Weatherhill. 1970.
88. Takakusu Junjiro. The essentials of buddhist philosophy, Honolulu, 1956: reprint Greenwood press. Inc., Westport, 1973.
89. Tokiwa Gishin. A Dialogue on the Contemplation-Extinguished: Translates from the Chueh-kuan kun. An Early Chinese Zen Text from Tun-huang. Kyoto: Institute for Zen Studies, 1973
90. Watts, Alan W. The Spirit of Zen. London, 1936.
91. Watts, Alan. The Way of Zen. New York: Pantheon, 1957
92. Wiegner Leon. Histoire des Croyance religieuses et des Opinions philosophiques en Chine: Depuis l'origine, jusgu'a nos jours. Hsien-hien, 1922.
93. Yampolski, Philip (tr. And commentaries). Hui-neng. The Platform Sutra of the Sixth Patriarch. A text from the Tung-huang Manuscript. New York: Columbia University Press.1967.
94. Zürcher, Eric. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China (2 vols.). Leiden: E.J. Brill, 1959.
95. Zvelebil, Kamil V. «The Sound of the One Hand», Journal of the American Oriental Society 107 (1): 125–126, 1987

На китайском и японском языках

96. Гэ Чжаогуан. Чжунго чань сысян ши (История чаньской мысли Китая с VI по IX вв.). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1995
97. Иньшунь. Чжунго чаньцзунши (История школы чань в Китае). Тайбэй: Гуаньи иньшуцзюй. 1971
98. Ма Цзоминь, Сун Сюйлинь (сост.) Чань юйлу (Чаньские речения). Тт. 1–2. Тайбэй: Хуатай диншуа, 1982.

99. Митибата Рюсю. Тюгоку Буккё си (История буддизма в Китае). Киото, 1958
100. Сатомити Токё. Бодайдарума то соно сяхэн (Бодхидхарма и его окружение). – Тойо дайгаку тойогаку кэнкудзё киё, № 12, 1978, с. 117–121.
101. Секигути Синдай. Дарумано дайсино кэнкю (Исследования чаньского учителя Дамо). Токио, 1957
102. Секигути Синдай. Дзэнсю сисоси (История чаньского учения). Токио, 1964.
103. Сэйдзан Янигида. Сёки но дзэнси (Ранний период истории чань. Часть 1). Токио: Сикима сёбо. 1971
104. Танака Рёсё. Дарумадзэн ни океру син ни цуйтэ (Вера в учении чань Бодхидхармы) – «Сюкё кэнкю», 38, 2 1965, с. 84–85
105. Уи Хакуцзю. Дзэнсю си кэнкю (Изучение истории дзэн-буддизма). Токио: Ивами Сётэн. 1939–1943, в 3-х тт.
106. Фань Гуйминь. Фоцзяо чаньцзун байвэнь (Сто вопросов о чань-буддизме). Пекин: Синьхуа шудянь. 1989.
107. Фоцзяо дацыдянь (Большой словарь буддизма) в 2-х тт. (сост. Дин Фубао). Шанхай: Шанхай чубаньшэ, 1989 (1-е издание – 1919).
108. Ху Ши. Путидамо као (Изучение Бодхидхармы) – в: Хуши вэньцунь, Тайбэй, 1953, Т. 3, с. 293–304
109. Чжу Гуаньбао. Лоян вэнью юй гуцзи (Древние памятники и достопримечательности Лояна). Пекин, 1987.
110. Чжунго фоцзяо (Китайский буддизм. Составлено Китайской буддийской Ассоциацией). Пекин: Чжиши чубаньшэ, т.1 – 1980, т.2, – 1982, т. 3 – 1989
111. Шаоши Шаньжэнь (Дэцянь). Шаолиньсы ушу байкэ цюаньшу (Энциклопедия боевого искусства Шаолиньского монастыря). В 4-х тт., Пекин: Цзинхуа чубаньшэ, 1994.
112. Юнсинь. Дамо. Шэньчжэнь: Цзунцзяо вэньхуа, 1998.
113. Янагида Сэйдзан. Дарума (Бодхидхарма). Токио: Коданса, 1981
114. Янагида Сэйдзан. Дзэнгаку дайджитэн (Большой словарь изучения чань). Токио, 1978.
115. Чжунго фоцзяо сысян цзыляо сюаньбянь (Избранные труды по буддийской мысли в Китае), сост. Ши Цзюнь, Ло Юйле, Фан Литянь и др. Т.1., Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1987.
116. Янагида Сэйдзан. Сёки но дзэнси 1. Рюгасикидзю Дэнхобоки (История первого периода учения чань. «Хроники учителей и учеников школы Ланкаватары» и «Записи о передаче драгоценной Дхармы»). Токио: Тикима сёбо, 1971.

117. Янагида Сэйдзан. Сёку дэнсю сисёно кэнкю (Исследования текстов по истории чань и его истоков). Киото, 1967.

Сокращения:

Т. – Тайсё синсю Дайдзокё (Трипитака, составленная в годы Тайсё). Токио, 1968.

Сюйцзан цзин – Продолжение Трипитаки

Примечания

1

Это – один из немногих трактатов, говорящих, что изначальное имя Бодхидхармы было Бодхитара. Другие источники этого не подтверждают. Формально «Бодхидхарма» является посвятельным именем, но личное имя этого Патриарха не сохранилось. Его китайское имя «Путидамо» является просто транслитерацией его имени, а другое китайское имя Дамо может быть как сокращением от его полного имени, так и производным от палийского понятия «дхумма», что и означает Дхарма. Для китайских буддистов имя Дамо могло также ассоциироваться с именем Дамодара – одним из имен Кришны, то есть «Тот, кто затянул пояс (дамо) вокруг своей поясицы (удара)».

2

«Трудности на море» – Праджнятара предсказывает переправление Бодхидхармы чере моря и реки в Китай.

3

Предсказание Праджнятары связано с путешествием Бодхидхармы в Китай через море. Два животных – слон и лошадь – соотносятся с двумя из пяти священных животных в буддизме (лев, слон, лошадь, утка или петух, священная птица гаруда). В свою очередь слон и лошадь соотносятся с двумя дхиани-буддами: Ваджрапани и Ратнапани.

4

Буддабхадра – под этим именем фигурируют два известных буддийских наставника. Один (359–429) – переводчик индийских текстов на китайский язык. Другой (V в.), известный мастер «Малой колесницы», придя в Китай, стал в 495 г. основателем монастыря Шаолиньсы. Возможно, речь идет об одном и том же человеке.

5

Рассуждения о взаимосвязи мудрости-праджни и созерцания-самадхи характерны именно для учителей направления Ланкаватары.

6

Речь здесь идет о том, что может считаться истинными «заслугами и добродетелями» (санскр. пунья, кит. гундэ) в буддизме. Если старые буддийские школы говорили буквально о количественном факторе в заслугах (например, сколько милостыни роздано монахам, сколько построено монастырей), то диалог правителя с Бодхидхармой показывает начало формирования нового подхода. Заслуги – это не внешние деяния, заслугой могут считаться лишь абсолютная чистота и искренность сердца, через которые и можно спасать других людей.

7

Бодручи – известный индийский монах-миссионер, прибывший в Китай в 508 г. и сделавший перевод с санскрита на китайский язык более 30 трактатов.

8

Таньлинь – буддийский монах (506–574).

9

Дословно в тексте говорится: «Был равно просветлен и во внешнем и во внутреннем», что, следуя из контекста, здесь переведено как «в буддийских и небуддийских учениях», поскольку большинство чаньских текстов именовали свою школу именно «внутренним учением».

10

Предисловие Таньлиня несколько противоречит традиционному образу Хуэйкэ, который в момент прихода к Бодхидхарме не был шраманом, то есть бродячим монахом, но лишь простым дровосеком, и в противоположность тому, что говорится в предисловии, уже не был юношей. Существование Даюя как второго ученика Бодхидхармы обходится молчанием многими чаньскими хрониками (см. Вступительную статью).

11

Трактат «Записи о передаче светильника, составленные в годы Цзиньдэ» («Цзиньдэ чуандэнлу») приписывает эту фразу индийскому миссионеру Буддасанте (кит. Фото, V в.) – основателю Шаолиньского монастыря в горах Суншань [28, с. 942с].

12

Свободно от имен – «имя» (мин) есть признак сущностного мира. Номинация, или «присвоение имен», есть вторичный акт по отношению к надсущностному миру истинного принципа, который сводим к пустоте. А поэтому «освобождение от имен» понимается как возвращение к сущности всякого явления.

13

Внешние обстоятельства (юань) – цепь определенных событий, которые приводят

к формированию кармы.

14

Учение о «двух истинах» (кит. эр ди, санскр. сатья) является одной из ключевых концепций в буддизме, пришедших из брахманизма. «Две истины» являют собой категории буддийской гносеологии и представляют собой два качественно различных уровня познания: «мирская (словесная) истина» (су ди) и «абсолютная (высшая) истина» (чжэнь ди). В частности, Нагарджуна считал, что наш эмпирический опыт позволяет человеку достичь лишь относительной и временной истины. Эта временная истина, с одной стороны, противостоит истине абсолютной и окончательной, но, с другой стороны, представляет собой необходимую ступень к ней. Наблюдение явлений посредством «двух истин» именуется «срединным видением» (чжун гуань) или «срединным путем» (чжун дао), к чему и призывал чань-буддизм. Первое упоминание о двух типах истины в связи с чаньской практикой можно встретить в трактате «Продолжение жизнеописаний достойных монахов», в разделе, посвященном именно Бодхидхарме. Даосюань, автор трактата, сравнивает два типа истины с двумя крыльями птицы или двумя колесами колесницы.

15

Подразумевается, что многие деяния, что рассматриваются обычными людьми как заслуги (гун), в действительности лишь обусловлены незнанием или «затемнением сознания» (санскр. каларати). Этот пассаж, вероятно, соотносится со знаменитым диалогом между Бодхидхармой и правителем царства Лян У-ди: «Так велики ли мои заслуги и добродетели?» «Здесь нет ни заслуг, ни добродетелей».

16

Фраза является реминисценцией известного пассажа из «Лотосовой сутры благого закона» [Т.9, с. 14с].

17

Эта фраза является практически калькой с известного пассажа из «Дао дэ цзина»: «Тело – это исток величайших страданий» (§ 13).

18

Вероятно, это цитата из «Вималакирти-нидреша»: «Дхарма не имеет сущности, поскольку она свободна от загрязнений живыми существами. У нее также нет и формы, поскольку она свободна от загрязнения желаниями. Она не имеет и принципа, поскольку свободна от рождений и смертей. Она не имеет и индивидуальности, поскольку нет в ней ни начала, ни конца» [52, 76].

19

Шесть совершенств (парамита) – господин (дана), дисциплинарные и моральные правила (сила), терпение (ксанти), энергия (вирья), созерцание (дхиана) и мудрость (праджня).

20

По существу, здесь подчеркивается, что истинные деяния или истинная практика (син) начинаются лишь тогда, когда исчерпано всякое действие на материальном или физическом уровне. Таким образом, «пребывание в соответствии с Дхармой» представляет собой высший этап из «четырех типов практики» и начинается лишь тогда, когда разум пребывает в пустоте и не привязан к вещам и самим поступкам.

21

Тезис об «отсутствии сердца» (у синь) считается одним из ключевых моментов доктрины, создание которой приписывается Бодхидхарме. В ряде случаев он трактуется как «отсутствие индивидуального сердца», что ведет к растворению человека во Вселенной и обретению состояния «не-я» (уво). В других же случаях это понимается как отсутствие страстей, заблуждений, дум о собственном «Эго». Важнейший трактат по этому вопросу, также приписываемый Бодхидхарме, именуется «Об отсутствии сердца» («Усинь лунь»).

22

Возможен другой вариант перевода: «Значит ты взираешь именно на отсутствие сердца». И далее «Значит ты вслушиваешься в отсутствие сердца... Значит ты постигаешь отсутствие сердца».

23

Цзао цзо – дословно «творить дела», «совершать поступки». Речь идет о любых деяниях, которые можно совершить посредством или при участии пяти органов чувств. Такое творение представляется в чань-буддизме ложным, поскольку опирается лишь на феномены внешнего мира, а не на внутренний креативный импульс, который проистекает из отсутствия сердца и который по сути и есть «истинное творение». Термин «цзао цзо» в смысле негативного и неистинного поступка неоднократно обыгрывается в «Речениях Мацзу».

24

Здесь словом «преподобный» переведен термин «хэшан» – дословно «монах». Однако в чаньской традиции эпохи Тан обращение к учителю как к «монаху» обозначало знак глубокого уважения и желания получить наставления.

25

«Три тела» (санскр. трикая, кит. санышэнь) – три ипостаси или три проявления Будды: Нирманакая – «тело трансформаций», в котором Будда являлся людям, Самбхогакаю – «тело блаженства», когда человек получает благодатное воздаяние за свои поступки и мистическое, вне-сущностное тело Дхармакая, то есть «тело Закона» или «тело Учения» (подробно см. вступительную статью) Говоря о трех телах, что пребывают сами в себе (цзы цзай), имеют в виду абсолютное единство трех тел, их неразрывность и в то же время обращенность внутрь себя.

26

Чувствования (цзюэ) – таким же иероглифом в чаньских текстах может обозначаться и просветление, а поэтому эта фраза может пониматься как «в своем просветлении подняться над всеми мирскими делами».

27

Покой, недвижимость, безмолвие (цзи). В буддийских текстах выступает также синонимом нирваны. Поэтому ряд пассажей, которые встречаются далее и в которых говорится о «стремлении к покою» или «достижении покоя», по сути говорит о достижении нирваны.

28

Внешний Путь (вай дао) – так обычно именовались отклонения от чаньской школы, неправильное понимание ее ключевых постулатов, либо (что реже) небуддийские учения.

29

«Использование» (юн) и «постижение использования» (чжао юн) – один из важнейших моментов осознания сути Чань. «Отсутствие сердца», внутреннее пестование представляет собой лишь основу (ти), фундамент для практических деяний. Сами же поступки и всякие благодатные, с точки зрения Чань, деяния есть лишь «использование» или «функция» (обозначается одним и тем же иероглифом «юн») внутренней основы. По сути, это соответствует чаньскому правилу сочетания «принципа» (ли) и «практических деяний» (ши). Вся проповедь данного текста, по сути, говорит о том, что бессмысленно стремиться сразу же к практическим деяниям («использованию»), прежде следует достичь абсолютного покоя сознания (покой = нирвана), и лишь затем последователь достигает «истинного использования». Поэтому сначала говорится об «отказе от использования», затем о «достижении истинного использования».

30

Пратьека-будда (кит. пичжи) – «Будда для себя». Человек, который преследует лишь цели личного спасения и в результате действительно достигает личного освобождения, озарения, но не спасает других людей. Пратьека-будды представляют собой один из этапов развития учения о личном спасении, перед ними на более низком этапе идут «слушающие» – те, кто лишь слышали о спасении, повторяют чужие слова, однако сами не способны достичь просветления. Заслуги «слушающих» и Пратьека-будд в буддизме Махаяны и в учении Чань ценятся меньше, чем заслуги бодисаттв, которые спасают других людей. Этот аспект подробно рассматривается в одной из проповедей чаньского наставника Мацзу (см. также примечания к этому пассажиру проповеди Мацзу).

31

Три сферы, или три неба (сань тянь), – мир небес, подземный мир и мир людей.

32

Утонченные ощущения (мяо цзюэ) или «ощущение утонченного» – заключительный из 52 этапов пестования Дао бодисаттвой. Например, чаньский наставник Наньян Чунго (Государственный наставник из Наньяна) писал: в «Комментариях к Сутре Сердца» («Чжу синь цзин»): «Учение о пробуждении не имеет рождения, а поэтому и называем это утонченным ощущением», «Так называемое “утонченное” есть бесконечность использования духа, а так называемое “чудесное” – ощущение дхармакаи – тела Закона».

33

Отказ от трех сфер пребывания, от пребывания в бытии, небытии и в промежуточном состоянии означает полное отрешение от желаний и страстей (санскр. упекса, кит. шэ).

34

Духовный мрак (кит. ван синь) – дословно «суетное сердце»; считается в Чань одной из основных причин заблуждений, которой логически противостоит «сердце-основа», пребывающее в абсолютном покое.